

ГОРГИЙ ЛЕОНТИЙСКИЙ. ФРАГМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

Е. В. АФОНАСИН
Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
afonasin@post.nsu.ru

EUGENE AFONASIN
Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
GORGIAS OF LEONTINI. FRAGMENTS AND TESTIMONIA

ABSTRACT. Gorgias (c. 485–380 BCE), a famous Ancient Greek philosopher and orator. According to ancient testimonies he was praised for his eloquence and published numerous literary works, but very little is preserved. The present publication contains a collection of scant doxographic evidence about Gorgias' life and writings and a translation of two his extant speeches *The Encomium on Helen* and the *Apologia of Palamedes*. The evidences are based on A. Laks and G. Most' *Early Greek Philosophy* (2016).

KEYWORDS: sophistic, doxography, sources of ancient philosophy.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прибыв в 427 г. Афины с дипломатическим посольством, Горгий¹ произнес речь, в которой призвал эллинов перестать враждовать друг с другом: «Трофеи, завоеванные у варваров, требуют гимнов, а те, что у эллинов – фре-

¹ Горгий (род. 485 – ум. ок. 380 гг. до н. э.) был несколько моложе Протагора (ок. 490 г. до н. э. – ок. 420 г. до н. э.). Издание фрагментов: Buchheim 1989; издание его речей: Caffaro 1997. Из недавних отечественных работ о Горгии см. книги Вольф 2014 и Галанина 2016. Подробнее см. библиографию в конце данной публикации.

нов», – заявил он (Филострат, *Жизни софистов* 1.9.5, II 26).² Дипломатическая миссия ставила перед собой задачу получить поддержку Афин в борьбе его родного полиса Леонтины против усиливающейся мощи Сиракуз. Этот призыв к панэллинизму в то время так и не был услышан, и вмешательство Афин в сицилийские дела двумя годами позже привело, как известно, к последствиям, катастрофическим для афинян, что, однако, не помешало Горгию развивать эту идею и в других своих публичных выступлениях в Афинах, в Дельфах и, особенно, в Олимпии (Филострат, *Жизни софистов* 1.9.4–5, II 24) и способствовало, согласно нашим источникам, росту его популярности как в качестве публичной фигуры, так и, прежде всего, учителя искусства риторики, столь важного для адекватного функционирования афинской демократии после конституционных реформ середины V в., которые, как никогда прежде, расширили политические возможности для способных и амбициозных людей, принадлежащих к самым различным слоям афинского общества.³

По свидетельству Платона (*Горгий* 447c, *Менон* 70b, II 8–9) Горгий умел сам и учил других хорошо и уверенно говорить на любую тему: «Спрашивайте!», – так он начинал свои публичные выступления, демонстрируя умение в нужный момент (τῷ καιρῷ) высказаться о любом предмете и, соответственно, ярко и убедительно отвечать на вопросы и возражения оппонентов. Ясно, что искусство импровизированной речи (σχεδῖος, см. Филострат, *Жизни софистов* 1.1 пред., II 11) особенно значимо именно в политическом контексте – на суде или в народном собрании. Способность «уверенно говорить на любую тему» – это признак успешного политика (Цицерон, *О нахождении* 1.7, II 10), и хотя софисты действительно писали о самых разнообразных предметах,⁴ «любая» тема чаще всего, конечно, касалась политических вопросов, в которых, развивая слова Сократа из Платонового *Протагора* (319d), сведущ должен быть каждый. Правда, в отличие от Сократа, как Протагор, так и Горгий были уверены, что этому можно и нужно учиться, хотя и

² Здесь и далее нумерация фрагментов дается по данной публикации. Прилагающийся Указатель источников позволяет соотнести тексты, представленные в настоящем собрании, с их расположением в изданиях Лакса–Моста (Laks–Most 2016) и Дильса–Кранца (Diels–Kranz). Актуальный источник свидетельств каждый раз указывается при цитировании.

³ Истоки и социально-политический контекст софистического движения в Афинах времен Перикла (495–429) подробно исследует De Romilly (1992 [оригинальное издание: 1988]).

⁴ Например, Горгий «любил поспорить» о физическом устройстве солнца и о функционировании зрения (II 42–43).

не так, как ремеслу плотника, кузнеца или кораблестроителя. «В риторике, – говорит Горгий, – нет ничего похожего на ручной труд (*χειροῦργημα*), но вся ее практика (*πράξις*) и сущность (*κύρωσις*) сводятся к речам» (Платон, *Горгий* 450b, ср. Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона 4.9; II 7).

К слову сказать, последнее свидетельство ярко демонстрирует еще одну особенность учения Горгия – его характерный стиль. Он охотно экспериментирует с языком, использует замысловатые выражения, создает неологизмы, использует поэтические приемы и т. д. (свидетельства об этом: II 16–23). Дошедший до нас единственный фрагмент его «Надгробной речи» (II 25) хорошо демонстрирует эти стилистические особенности. К сожалению, о других его публичных речах, таких как «Похвала жителям Элиды», а также Олимпийской и Пифийской, сохранились только упоминания (II 28–30).⁵

Сообщается, что ему принадлежало также много учебных речей (*τέχνας*, II 1), но полностью сохранилось только две его эпидейктических речи – «Энкомий [Похвала] Елене» и «Апология [Защита] Паламеда» (см. IV 1–2). Первая из этих речей – классическая демонстрация того, как слабый довод сделать более сильным (*τὸν ἥσσω καὶ κρείσσω λόγον πεποιημένα*; Стефан Византийский, статья «Абдеры»). Аргумент построен в форме условно-разделительного умозаключения (поли-леммы)⁶ и главное в ней – доказательство того, что слово (логос), будучи, наряду с божественной волей и природными явлениями, могучим властителем, само по себе может привести к обстоятельствам, с правовой точки зрения квалифицируемым как «обстоятельства непреодолимой силы». Сила слова, по словам Горгия, по-

⁵ Следует отметить, что, в отличие от Олимпийской, «Надгробная речь» могла быть эпидейктической (показательной), так как неизвестно, к какому событию она могла быть приурочена.

⁶ В соответствии с текстом Горгия, Елена не виновна потому, что вынуждена была так поступить либо (1) по воле случая, замыслу богов и решению необходимости, либо (2) была уведена силой (похищена против ее воли), либо (3) поддавалась словесному убеждению, либо (4) была побеждена Эротом. Случай (2) очевиден, равно как и воля всевозможных божественных сил (1, 4), поэтому в специальном доказательстве нуждаются только (3) и, отчасти (4), если, в дополнение к простому признанию того, что Эрот – это бог, добавить аргумент от непреодолимой притягательности прекрасного тела. Но если мы признаем, что это условно-разделительное высказывание учитывает все возможные случаи (что неверно) и примем в качестве доказанного то, что факт словесного убеждения действительно делает невинным каждого, ему поддавшегося, то отсюда можно сделать вывод, что каждый человек, если его в этом убедили, не виновен в своих действиях. Так что Горгий не зря речь свою завершает замечанием о том, что для него подобные рассуждения – лишь «забава».

добна лекарственному снадобью (φαρμάκων), «ведь как одни снадобья вытягивают из тела одни жидкости, а другие – другие, и прекращают, одни болезнь, а другие – жизнь, так же из речей одни вызывают горе, другие – радость, страх или пробуждают в слушателях дерзость, а некоторые отравляют (ἐφαρμάκευσαν) душу злобными уговорами и зачаровывают ее. Так что следует признать, что если она подчинилась словесным уговорам, то не виновна, но несчастна» (*Похвала Елене* 14–15). Аналогичную мысль приписывает Горгию и Платон, отмечая, что, по мнению Горгия, «искусство убеждения намного важнее других искусств; ведь все то, что ей подвластно, оно делает рабами добровольно, а не насильно» (Платон, *Филеб* 58a–b, II 48). Нельзя сказать, что аргументация подобного рода утратила свое значение в современной юридической практике, как и основная канва рассуждений в другой сохранившейся эпидейктической речи Горгия, «Апологии Паламеда», которая по преимуществу исследует вероятностные аргументы. Может ли суд, спрашивает Горгий, в ситуации отсутствия прямых улик, вынести окончательный приговор лишь на основании косвенных? Каким относительным весом обладает тот или иной аргумент? Что следует принимать во внимание, а что нет? Мог ли такой человек, как Паламед, изобретатель алфавита, виноделия, мер и весов, лекарств и, в целом, будучи просветителем Эллады, предпочесть эллинов варварам и пожелать жить скорее с ними, нежели со своим соотечественниками? Если да, то как бы он смог осуществить это не зная варварского языка, в одиночку, в укрепленном лагере, а если у него были сообщники, то где они и т. д. В отличие от предыдущей речи, в данном случае Горгий призывает судей оценить представленные аргументы рационально, не давая волю эмоциям, и вынести свое решение не из жалости перед женской слабостью, но исключительно на основе рационального рассмотрения обстоятельств дела, взвешивая, как сказали бы римские юристы, а отнюдь не умножая доводы (*argumenta ponderanda, non numeranda sunt*).⁷

⁷ Горгий предлагает суду трезво и непредвзято рассмотреть: (1) в ситуации отсутствия прямых улик, желал ли и мог ли подсудимый совершить преступление, (2) заслуживает ли доверия обвинитель и, если аргументы в пользу виновности все же перевешивают, (3) оправдано ли поспешно вынесенное решение, которое приведет к необратимым последствиям (смерти). В целом, аргументация в пункте (1) имеет примечательную круговую структуру: Паламед стремится доказать, что если бы он мог совершить предательство, то не хотел бы этого, а если бы хотел, то не мог бы (не имел бы для этого средств), следовательно, если для того, чтобы быть виновным, нужно *одновременно* хотеть что-то совершить и совершить это, то он не виновен. Аналогично и в пункте (2): если Паламед был мудрым, то он не мог сделать ничего дурного, а если он сделал нечто дурное, то он не был мудрым. Большая

Речь «О том, чего нет, или О природе», содержание которой дошло до нас в двух существенно отличных пересказах (раздел V), должно быть, как и «Похвала Елене», была призвана продемонстрировать способ «более слабый довод сделать более сильным». В самом деле, разве не представляется несомненным то, что нас окружают некие вещи? Однако, настолько ли это очевидно, как представляется на первый взгляд? Если некая вещь есть, то была ли она всегда или же когда-то появилась? Одна она или их много? Отличаются ли наши мысли о существующих вещах от тех, что относятся к вещам воображаемым (например, путешествующим по морю колесницам)? Как словами выразить цвет или звук? И, в целом, если вещи – это не слова, и никто не чувствует и не думает точно так же, как кто-то другой, то как нечто, каким-то чудом воспринятое и познанное одним, может быть объяснено другому?⁸

Этот аргумент (независимо от того, признаем ли мы его верным, или же сочтем риторической забавой) вовсе не указывает на то, что оратор отвергает истину, хотя он и не признает ее в качестве некой сократической универсальной идеи: он связан моральным обязательством избегать обмана, не в праве вводить в заблуждение других и сам должен, по возможности, уметь избегать ловушек, которые расставляют ему другие люди. Считается, что Горгий учился у Эмпедокла (Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 8.58–59, I 5), однако в данном случае он скорее выступает учеником Зенона Элейского, который в числе первых предложил, что все теории так или иначе основаны на недоказуемых посылках, с соответствующими выводами для эпистемологии. Ведь если это верно в отношении таких наук, как математика, то что говорить о традиционных мифах, вере в богов или различных моральных и правовых конвенциях? Разве не следует отсюда, что единственным досто-

часть отдельных аргументов Паламеда носит характер *a fortiori causa*: если бы эллин мог это совершить, то было бы возможно А, или В, или С и т. д.; но ни А, ни В, ни С и т. д. невозможно, значит эллин не мог совершить такое; следовательно, этого не мог совершить и эллин Паламед.

⁸ Горгий стремится доказать три тезиса: (1) ничего нет; (2) если бы нечто было, то оно было бы непознаваемо; (3) а если было бы познаваемо, то его нельзя было бы объяснить другим. Далее аргументация в версиях Секста Эмпирика и Псевдо-Аристотеля несколько расходится (перевод см. в разделе V). Оба эти изложения включают в себя позднейшую терминологию, к тому же неизвестный автор трактата «О Мелиссе, Ксенофане и Горгии» допускает явные пропуски и один раздел невосполнимо испорчен в рукописи, что предоставляет исследователям широкий простор для интерпретации смысла сказанного Горгием (основные исследования указаны в библиографии).

верным критерием для всякого суждения выступает подходящий в данный момент (τῷ καιρῷ, Π 12) непосредственный человеческий опыт, а предметом исследования оказывается не мир, но сама речь – единственное, непосредственно доступное нашему пониманию? Следовательно, хотя жизнь полна неразрешимых противоречий и каждый довод в практическом плане может, при определенных обстоятельствах, обернуться своей противоположностью, воздерживаться от суждений недостаточно, нужно действовать!

Практическое действие, но также и понимание: возможно, в этом самый важный вклад Горгия в историю античной риторики, так как для него изучение способа выражения мыслей далеко вышло за рамки искусства красноречия, превратившись в особую науку со своими особыми принципами и критериями достоверности, ведь не зря, как сообщается, наш софист «имел обыкновение говорить, что всякий, пренебрегающий философией в ущерб всем остальным наукам, подобен женихам, желающим Пенелопу, а спящим со служанками» (*Ватиканский гномологий* 743, 166, I 22).

Образцом для настоящего собрания свидетельств об учении древнего софиста послужило новое издание фрагментов ранних греческих философов, подготовленное А. Лаксом и Г. Мостом (Laks–Most 2016). Тексты в настоящем собрании разделены на пять частей: I. Биографические свидетельства; II. Сочинения и учение; III. Оценки и интерпретации, IV. Сохранившиеся речи («Похвала Елене» и «Апология Паламеда»); V. «О том, чего нет, или О природе». Нумерация внутри каждой части своя. По сравнению с другими собраниями объем материала остался почти неизменным. Ниже читатель найдет указатель античных источников, таблицу соответствия нумерации свидетельств по разным изданиям и библиографию.⁹

⁹ Указатель источников позволяет соотнести тексты, представленные в настоящем собрании, с их расположением в издании А. Лакса и Г. Моста (Laks–Most 2016) и в классическом издании Г. Дильса и В. Кранца (Diels–Kranz), которому следует и перевод фрагментов софистов А. О. Маковельского (1941). Актуальный источник свидетельств каждый раз указывается и при цитировании, и в перекрестных ссылках, а нумерация сведена к минимуму. Учтены также издание М. Унтерштайнера (Untersteiner 1949–1962), новые английское, немецкое, французское и итальянское собрания под редакцией Дж. Диллона и Т. Гергея (Dillon–Gergel 2003), Т. Ширрена и Т. Зинсмайера (Schirren–Zinsmaier 2003), Ж.-Ф. Прадо (Pradeau 2009) и М. Бонацци (Bonazzi 2007), соответственно, а также раздел, посвященный софистам во втором томе собрания фрагментов ранних греческих философов Д. Грэхэма (Graham 2010).

ГОРГИЙ ФРАГМЕНТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА

I. Биографические свидетельства

Происхождение и хронология

1. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.1: Сицилия породила Горгия Леонтийского...

2. Павсаний, *Описание Эллады* 6.17.8: У этого Горгия отцом был Хармантид...

3. Суда, Г 388: Он был братом врача Геродика.¹⁰

4. Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона, пред. 9: ...жили они [Платон и Горгий] в одно и то же время. Действительно, Сократ родился¹¹ в 77 олимпиаду [470/69] <...>¹² пифагореец Эмпедокл, учитель Горгия, имел с ним общение. Горгий пишет свое не лишнее изящества сочинение «О природе» в 84 олимпиаду [444/40], так что Сократ опережал [это событие] лет на 28 или более. Кроме того, Платон в «Теэтете» [183e] говорит [устаами Сократа]: «Парменида мне случилось встретить еще в юности, когда он уже был стариком, и я обнаружил, насколько глубок этот муж».¹³ Парменид был учителем Эмпедокла – учителя Горгия. Но Горгий дожил до глубокой старости и, как говорят, умер в возрасте 109 лет, так что они жили примерно в одно и то же время.

Ученик Эмпедокла

5. Диоген Лаэртский, *Жизни философов* 8.58–59: Горгий Леонтийский был его учеником – тот самый муж, который достиг совершенства в риторике и

¹⁰ См. Платон, *Горгий* 448b, 456b.

¹¹ Олимпиодор говорит: «жил».

¹² Таррант предположил лагуну, в которой Олимпиодор мог сказать, что Сократ был учеником Анаксагора, как и Эмпедокл. Об этой текстуальной сложности см. новый комментированный перевод: Jackson, Lycos, Tarrant 1998, 63 п. 44. О том, что Горгий учился у Эмпедокла, повторяется далее в комментарии (14.12).

¹³ Эта встреча как раз и является предметом диалога Платона *Парменид*. Примечательно, что неоплатоник не упоминает здесь об этом.

оставил после себя учебную речь (τέχνην)... Сатир¹⁴ утверждает, что он, по его собственным словам, был свидетелем того, как Эмпедокл занимался магией.

Его известность

6. Платон, *Менон* 70a–b: [Сократ:] Менон! Фессалийцы издавна славились среди эллинов и вызывали у них восхищение как искусством коневодства, так и своим богатством. Теперь же, как мне кажется, – и своей мудростью, и не в малой степени сограждане твоего друга Аристиппа, жители Ларисы. И виной тому Горгий. Ведь прибыв в город, он превратил в любителей мудрости первых людей среди Алеуадов, включая твоего любимца Аристиппа, да и других фессалийцев... [см. II 9]

7. Филострат, *Письма* 73: ...Почитателями Горгия были многие лучшие люди: сначала в Фессалии, где даже сами занятия риторикой стали называть «горгизировать» (γοργιάζειν), а затем во всей Элладе, после того, как он выступил против варваров со ступеней (βαλβίδος) храма в Олимпии ... [см. III 3]

8. Дионисий Галикарнасский, *Лисий* 3: [см. III 2] ...появившись в Афинах в составе посольства, он поразил слушателей своей публичной речью...

Диодор Сицилийский 12.53.2–5: Горгий стоял во главе тех, кто был послан в качестве главных послов... Прибыв в Афины и будучи представлен народу, он обратился к нему с речью о военном союзе и оригинальностью своих выражений поразил афинян – людей, одаренных по природе и любителей речей... [см. II 20, III 12] Наконец, убедив афинян сражаться вместе с леонтийцами и удивив весь город своим риторическим искусством, он отправился назад в Леонтины.

9. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.3: [...] публично рассуждая в Афинах уже в пожилом возрасте, он удивил толпу, но это не большое диво – важнее, как мне кажется, то, что он привлек внимание важных людей, Крития и Алкивиада, когда еще молодых, а также Фукидида и Перикла, тогда уже стариков [...]

10. Павсаний, *Описание Эллады* 6.17.8–9: [см. II 3] ...хорошо известно, что Горгий прославился благодаря своим речам, как панегирику в Олимпии, так и тем, что он произнес в Афинах, прибыв туда с посольством вместе с Тисием [...] Горгий сподобился большей славы среди афинян, нежели он [Тисий], а что касается Язона, бывшего тогда тираном Фессалии [380/70], то этот Язон сам ставил Горгия выше Поликрата, хотя тот завоевывал не последние призы в афинской школе.

¹⁴ Историк III в. до н. э.

Его богатство

11. Исократ, *Обмен имуществом* 15.155–156: Богаче всех, насколько мы помним, был Горгий Леонтийский, который жил среди фессалийцев в то время, когда они были богаче всех остальных эллинов. Прожив долгую жизнь и все более богатея, он, тем не менее, не осел ни в каком городе, не потратил ничего на общественные нужды и не должен был платить налог на имущество. И хотя он так и не обзавелся женой и детьми [...] и всегда стремился к богатству более, нежели другие люди, он все же оставил после себя лишь тысячу статеров.¹⁵

12. Диодор Сицилийский 12.53.2: ...он настолько превосходил всех в софистическом искусстве, что брал плату в сотню мин¹⁶ с каждого ученика.

13. Элиан, *Пестрые рассказы* 12.32: Часто рассказывают, что Гиппий и Горгий появлялись на публике, одетые в пурпур.

Его ученики и последователи

14. Ксенофонт, *Анабасис* 2.6.16: Проксен из Беотии еще в молодости стремился стать человеком, способным на великие дела и, движимый этим желанием, пошел за деньги учиться у Горгия Леонтийского.

15. Квинтиллиан, *Наставления оратору* 3.1.13: За ними [софистами] последовали многие, однако самым славным слушателем Горгия был Исократ. И хотя по поводу его учителя среди разных авторов нет согласия, я принимаю свидетельство Аристотеля [фр. 139 Rose].

16. Цицерон, *Оратор* 52.175: Исократ, в молодые годы будучи в Фессалии, слушал там старика Горгия.

17. Диоген Лаэртский, *Жизни философов* 6.1: Антисфен сначала учился у оратора Горгия. Именно поэтому он применяет риторические приемы в своих диалогах, и в особенности в «Истине» и «Протрептике».

18. Суда, Г 388: ... [Горгий был] учителем Пола Акрагантского, Перикла, Исократа и Алкидама Элейского, который принял школу после него.

¹⁵ Статером в классический период называли монету в четыре или две драхмы, так что это действительно немного, учитывая тот факт, что он брал плату в 10 тыс. драхм с одного ученика.

¹⁶ Аттическая мина после реформ Солона составляла сотню драхм.

Негативное отношение к софисту и анекдоты о нем

19. Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона 7.2, р. 51.16–18: Следует также знать, что, когда Горгий прибыл в Аргос, народ выказал ему такую враждебность, что установил наказание в виде штрафа для каждого, кто вздумает у него учиться.

20. Плутарх, *Свадебные наставления* 43, 144В–С: Когда оратор Горгий произнес в Олимпии речь о согласии между эллинами, Меланфий сказал: «И этот человек дает нам советы о согласии! Тот самый, который в личной жизни не в силах убедить жить в согласии даже трех человек – себя самого, свою жену и служанку». Полагаю, это значит, что Горгий испытывал эротическое желание к своей служанке, а жена ревновала к ней.

21. Филострат, *Жизни софистов* 1 пред.: Не избежал он и зависти. В Афинах был некий Херефонт [...] И этот Херефонт как-то решил посмеяться над основательностью Горгия и спросил: «Почему же, Горгий, бобы живот раздувают, а огонь не задувают».¹⁷ Горгий совершенно не смугился и ответил ему так: «Эту проблему я оставляю тебе для исследования, ведь мне давно уже известно, что земля рождает нартековые прутья как раз для таких, как ты».¹⁸

22. *Ватиканский гномологий* 743, 166: Оратор Горгий имел обыкновение говорить, что всякий, пренебрегающий философией в ущерб всем остальным наукам, подобен женихам, желающим Пенелопу, а спящим со служанками.

23. *Ватиканский гномологий* 743, 167: Горгий сказал, что ораторы подобны лягушкам, те шумят в воде, а эти у клепсида.¹⁹

24. Афинея, *Пир мудрецов* 11, 505D–E: Говорят, что Горгий, прочитав диалог, носящий его имя, сказал своим спутникам: «Как замечательно Платон разбирается в сочинении ямбов (ἰαμβίξειν)!» А Гермипп в своем сочинении о Горгии говорит следующее: «Горгий посетил Афины после того, как установил в качестве подношения свою золотую статую в Дельфах. Увидев его, Платон сказал: “Вот шествует к нам прекрасный и золотой Горгий”. На что Горгий ответил: “Сколь прекрасен тот новый Архилох, что принесли Афи-

¹⁷ Φυσάω означает, как *раздувать*, так и *задувать*, *гасить*.

¹⁸ νάρθηξ, или *ferula communis* – растение из семейства зонтичных. Согласно мифу, Прометей принес огонь людям в стебле этого растения, так как его сердцевина очень долго тлеет и сохраняет жар. Посохи из нартека использовали вакханты. В данном контексте Горгий предлагает использовать посох для того, чтобы проучить слишком любознательного ученика.

¹⁹ То есть, водяных часов, которые отмеряли время, отводимое каждому на судебном заседании.

ны!» Другие говорят, что, прочитав диалог Платона, Горгий сказал присутствующим, что ничего подобного он не говорил и не слышал». ²⁰

Последние годы жизни

25. Аполлодор Афинский, *Хроника* (цит. Диоген Лаэртий 8.58): Прожил он 109 лет.

26. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.6: Говорят, что Горгий дожил до 108 лет, и тело его не было ослаблено старостью, так что всю жизнь он отличался отменным здоровьем и ясностью восприятия.

27. Афиней, *Пир мудрецов* 12, 548C–D: Горгий Леонтийский, о котором Клеарх в восьмой книге своих «Жизнеописаний» говорит, что, благодаря благоразумной жизни, он сохранил ясность рассудка вплоть до 80-ти лет.

28. Афиней, *Пирующие софисты* 12, 548C–D: И когда его спрашивали, как ему удалось прожить так долго и так слаженно, сохранив при этом ясность восприятия, то он ответил так: «Это потому, что я никогда не делал ничего ради удовольствия». Деметрий Византийский в книге «О поэмах» говорит, что когда Горгия Леонтийского спросили, какова причина того, что ему удалось прожить более ста лет, то он ответил: «Я никогда не делал ничего ради других».

Псевдо-Лукиан, *Долгожители* 23: ...говорят, что когда его спросили о причине столь долгой жизни, отменного здоровья и ясности восприятия, то он ответил, что это потому, что он никогда не поддавался соблазнам на чужих празднествах.

29. Цицерон, *О старости* 5.12: ...его [Исократ] учитель Горгий [к тому времени] уже прожил (complevit) сто семь лет, и никогда не прерывал свои занятия и свои труды. И будучи спрошен, почему он пожелал так долго оставаться среди живых, он ответил, что ему не в чем упрекнуть старость.

30. Элиан, *Пестрые рассказы* 2.35: Когда его жизнь подходила к концу по причине глубокой старости, Горгий Леонтийский почувствовал слабость и прилег, постепенно погружаясь в сон. И когда кто-то подошел к нему, чтобы посмотреть, как он и спросил, как его дела, то Горгий ответил: «Сон уже начал передавать меня моему брату [смерти]».

31. Стобей, *Антология* 4.51.28: Из «Изречений» Аристотеля. Когда оратор Горгий состарился, некто спросил его, радуется ли его мысль о смерти. Он же

²⁰ Гермипп из Смирны был учеником Каллимаха и жил во II в. до н. э. Архилох Паросский – один из величайших древних поэтов (VIII в.).

ответил: «Конечно! Я рад освободиться [от тела], словно от дряхлого и ветхого жилища».

32. Псевдо-Лукиан, *Долгожители* 23: ...он уморил себя голодом...

Статуя в Дельфах

33. Цицерон, *Об ораторе* 3.32.129: ... которого Греция, единственного среди людей, почтила в Дельфах не позолоченной, но золотой статуей.

Плиний, *Естественная история* 33.83: Первым человеком, поставившим ок. 70 олимпиады²¹ для себя золотую статую в Дельфах, был Горгий Леонтийский. Столь велик был его доход от преподавания искусства риторики.

Павсаний, *Описание Эллады* 10.18.7: Позолоченная статуя, посвящение Горгия из Леонтин, представляет самого Горгия.

Филострат, *Жизни софистов* 1.9.4–5: ...его пифийская речь... по этому поводу его золотая статуя была поставлена в храме Пифийского [Аполлона].

Статуя в Олимпии

34. Павсаний, *Описание Эллады* 6.17.7: Можно увидеть и [статую] Горгия Леонтийского. Евмолп, правнук Диократа, женившийся на сестре Горгия, сам говорит, что посвятил эту статую в Олимпии.

Надпись начала IV в. до н. э., обнаруженная в Олимпии (SEG 2.820, Olympia, inv.no. A 101):²²

Горгий Леонтийский, сын Хармантида

Сестру Горгия Дейкрат взял в жены,
она ему родила Гиппократа.

[Сын] Гиппократа Евмолп воздвиг эту статую
по двоякой причине – для воспитания и ради дружбы.

Горгиево [искусство] упражнять душу в соревновании ради доблести –

никто из смертных не изобрел лучшего искусства.²³

Для него воздвигается статуя в ущелье Аполлона,²⁴

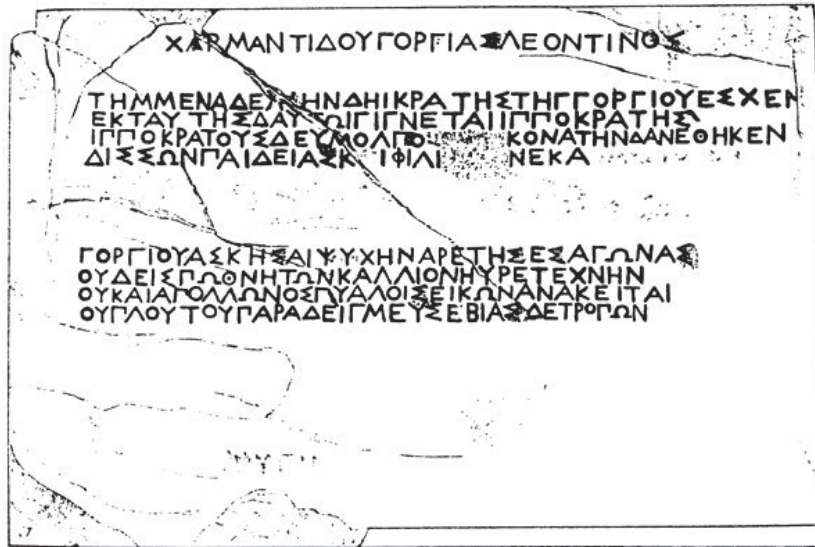
образец не богатства, но благочестивого нрава.

²¹ Это ошибка. Должно быть 90 олимп. (420/16 гг. до н. э.).

²² Статуя была открыта в 1876 г. и обычно датируется 390–370 гг. Она состоит из заголовка и двух четверостиший (см. иллюстрацию). Из недавних исследований см. Tzifopoulos 2013, 158–160, а также Morgan 1994.

²³ Если поменять строки местами: «Никто из смертных не изобрел более прекрасного искусства, нежели то, что изобрел Горгий – упражнять душу в соревновании ради доблести». Ср. Платон, *Горгий* 527d.

²⁴ Дельфы расположены на склоне глубокого горного ущелья.

Изображение на могиле Исократа

35. Псевдо-Плутарх, *Жизни десяти ораторов* 839d: Неподалеку от его могилы был жертвенный стол (τράπεζα) с изображением поэтов и его учителей, в том числе Горгия, созерцающего астрономическую сферу, и самого Исократа, стоящего рядом с ним.

II. Сочинения и учение

Риторические произведения и преподавание риторики

1. Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена 90.12–16: Старший Дионисий [Галикарнасский] во второй книге сочинения «О типах [речи]», говоря о Горгии, сообщает следующее: «Мне не доводилось видеть его судебных речей, однако мне попадалось несколько его публичных речей и учебных (τέχναις),²⁵ но больше всего – эпидейктических».

2. Филострат, *Жизни софистов*: (1.1) Родоначальником древней [софистики] был Горгий Леонтийский, когда живший среди фессалийцев... (1.9.1) ...к которому, надо полагать, софистическое искусство восходит, как к отцу. Если поразмыслим об Эсхиле, столь многое сделавшем для трагедии... вот таким же Горгий был для своих коллег (ὁμοτέχνους)... [см. II 22]

²⁵ К образцам учебных речей можно, в некотором смысле, отнести и две сохранившиеся. Но вряд ли Горгий составил «учебник» риторики, как это пишут поздние античные авторы. Критика метода Горгия у Аристотеля: III 8.

3. Павсаний, *Описание Эллады* 6.17.8: Этот Горгий... как говорят, первым возродил обучение речам, тогда совершенно забытое и почти утраченное людьми. [см. I 2, 15]

4. Аристотель, *О софистических опровержениях* 34, 183b36–184a1: Обучение у тех, кто зарабатывает эристическими речами, было подобно тому, как учил Горгий. Ведь одни предлагали им для заучивания риторические, другие – вопрошающие речи, к которым, как они полагали, чаще всего сводятся всевозможные противоположные речи. [см. III 8]

5. Квинтиллиан, *Наставления оратору* 3.1.8: Самыми древними составителями учебных речей (*artem*)²⁶ были сицилийцы Коракс и Тисий,²⁷ за которыми последовал муж с того же острова – Горгий Леонтийский.

6. Диоген Лаэртский 8.58: Он оставил после себя учебные речи...

Диодор Сицилийский 12.53.2: Этот первым изобрел учебные образцы красноречия...

7. Платон, *Горгий* 450b: В других искусствах всякое умение (*ἐπιστήμη*) сводится к ручному труду (*περὶ χειροουργίας*)... тогда как в риторике нет ниче-

²⁶ Artes = τέχναι, учебные речи, образцы для подражания.

²⁷ В качестве древнейшего учителя красноречия Тисий (наряду с Фрасимахом и Теодором) упоминается Аристотелем непосредственно перед Горгием (*О софистических опровержениях* 183b32–34). Он был учителем знаменитого афинского ратора Исократа. Учителем Тисия был Коракс, некоторое время правящий Сиракузами после изгнания Фрасибула в 467 г. до н. э. и сочинивший, как считалось, первые учебные речи (Цицерон, *Брут* 46). Платон (*Федр* 266d) приводит один пример, иллюстрирующий метод Тисия. Предположим, что слабый, но храбрый хулиган напал на сильного, но трусливого прохожего, при этом явных улик или свидетельских показаний нет. Что они могли бы сказать в суде? Пострадавший, не желая раскрывать свою трусость, возможно, предпочел бы настаивать на том, что нападающих было несколько, а хулиган попытался бы убедить суд в том, что он был один и, будучи слабым, вряд ли смог бы успешно атаковать более сильного. Аристотель (*Риторика* 1402a) приписывает Тисию почти те же правдоподобные аргументы: в аналогичном случае софист предлагал маленькому и тщедушному хулигану в суде напирать на то, что он физически не смог бы победить большого и сильного потерпевшего, а большому и сильному хулигану, напротив, на то, что если бы он это сделал, то его вина была бы очевидна, поэтому никто, будучи в здравом уме, так бы не поступил. Аргументация в «Апологии Паламеда» Горгия строится по такому же принципу (см. IV 2). В политическом контексте очень часто к таким аргументам прибегает и Фукидид (*История* 2.40.1, 1.70.2 и др.; подробнее см. Romilly 1998, 62–65).

го похожего на ручной труд (χειροῦργημα), но вся ее практика (πράξις) и сущность (κύρωσις) сводятся к речам.²⁸

Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона 4.9: Знатоки лексики считают эти два слова – χειροῦργημα и κύρωσις – неупотребительными [в аттическом диалекте греческого языка]. И правда, так не говорят. Мы же заметим, что так как в данном случае говорит сам Горгий, он [Платон] подчеркивает местные особенности его речи. Ведь он был из Леонтин.

8. Платон, *Горгий* 447с: Таково было одно из условий его выступления: он сразу же предлагал всем присутствующим спрашивать все, что они пожелают, и говорил, что ответит на все вопросы.

9. Платон, *Менон* 70b–c: Он же ввел у вас обычай отвечать бесстрашно и величественно всякому, пожелавшему о чем-либо спросить – как это и подобает знатокам; точно так же и сам он предлагал любому из эллинов спрашивать о чем угодно, и никого не оставлял без ответа.

10. Цицерон, *О нахождении* 1.7: Горгий Леонтийский... полагал, что оратор может наилучшим образом говорить о любом предмете.

11. Филострат, *Жизни софистов* 1.1 пред.: Начинателем импровизированной (σχεδίου) речи был Горгий. Ведь именно он, придя в театр афинян, осмелился сказать: «Предлагайте!» – и первым подверг себя такой опасности, отчетливо продемонстрировав, что все знает и обо всем может говорить в нужный момент (τῷ καιρῷ) [...] Горгий высмеивал Продика, который выступал с устоявшимися и многократно повторенными речами, сам готовый выступить во всякое время (τῷ καιρῷ).

12. Дионисий Галикарнасский, *О порядке слов* 12.68: Ни один оратор или философ до сих пор не дали определение искусству подходящего момента (καιροῦ... τέχνην), и даже тот, кто первым попытался писать об этом, Горгий Леонтийский, не сочинил об этом ничего, достойного упоминания.

13. Платон, *Горгий* 449с: [Горгий:] Вот об этом одном я и толкую: что никто не выскажется об одних и тех же предметах более кратко (βραχυτέροις), чем я. [Сократ:] Это именно то, что нам нужно, Горгий! Продемонстрируй мне именно это – свою немногословность, многословие оставив на потом.

14. Платон, *Федр* 267a–b: [Сократ:] ...Тисий и Горгий [...] изобрели краткие речи, равно как и бесконечно длинные обо всем на свете.²⁹

²⁸ Как видно из комментария Олимпиодора, непривычные для афинской публики термины χειροῦργημα и κύρωσις могут принадлежать самому Горгию.

15. Платон, *Федр* 267a–b: [Сократ:] Тисий и Горгий [...] знали, что правдоподобное (εἰκότα) следует почитать превыше истины, и силою слова делают так, чтобы маленькие вещи выглядели большими, большие – маленькими, новые – старыми, а им противоположные – новыми.

16. Аристотель, фр. 137 Rose (Цицерон, *Брут* 12.47): [Подобно Протагору] Горгий также записывал похвалы и порицания по одному и тому же конкретному поводу, рассуждая в том смысле, что оратору более других подобает уметь преувеличивать вещи восхвалением и, напротив, преуменьшать их порицанием.

17. Аристотель, *Риторика* 1418a32–37: В эпидейктических речах надлежит разнообразить рассуждения, добавляя похвалу [...] и то, что Горгий говорил о том, что сам он не оставляет слово без внимания, – это то же самое. Ведь, говоря об Ахилле, он славил Пелея, затем Эака, следом бога, и точно так же мужество, которое создает это и то или представляет собой что-то в этом роде.

18. Аристотель, *Риторика* 1419b3–5: Надлежит, говорил Горгий, серьезно уничтожать насмешку противника, и насмешкой – серьезность, и он сказал верно.

19. Цицерон, *Оратор* 12.39: Говорят, что первыми такие [фигуры речи] начали использовать Фрасимах и Горгий Леонтийский...

Там же, 52.175: ... парные высказывания, выражения, заканчивающиеся схожим образом, антитезы, а также высказывания, хотя и случайные, но ритмичные сами по себе – все это придумал Горгий.

Там же, 49.165: Принято считать, что Горгий был родоначальником поисков такой симметрии.

20. Диодор Сицилийский 12.53.4: Он первым начал использовать необычные формы выражения, отличающиеся своей замысловатостью, такие как антитеза, парные высказывания, сопоставления, выражения, заканчивающиеся схожим образом и тому подобные... [см. III 12]

21. Дионисий Галикарнасский, *О подражании*, фр. 4 (Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена 1.10.9–16): Лучше, вслед за Галикарнасским Дионисием рассуждать о поэтической речи как состоящей из фигуральных, метафорических и дифирамбических составляющих, а также тех, что схожи с дифирамбом, что характеризовало и стиль оратора Горгия – ведь именно

²⁹ О Тисие см. II 5 выше. Далее в диалоге Платон передает слова Продика о том, что, по его мнению, речи должны быть в меру – не длинными и не краткими.

он первым, как говорит Дионисий во второй книге сочинения «О подражании», ввел поэтические и дифирамбических выражения в публичные речи.

Там же, фр. 5 (Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена 1.11.20–23): Горгий перенес поэтическое словоупотребление в публичные речи, полагая, что оратору не следует уподобляться простым людям.

22. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.2: [см. II 2] ...Он научил софистов использовать натиск, парадокс, [произносить фразу] на одном дыхании, о великом говорить величественно, членить и сочетать фразы, делая тем самым речь приятней и выразительней, а также использовать поэтические обороты для украшения речи и придания ей многозначительности.

23. Ксенофонт, *Пир* 2.26 (ср. Афиней, *Пирующие софисты* 504e): ...если рабы мельчат и постоянно подливают (ἐπιψάχάζωσιν) нам в чаши (чтобы и мне был повод высказаться в горгиевых (ἐν Γοργυείοις) выражениях) [...]

Дионисий Галикарнасский, *Демосфен* 5: Он [Платон] кичится неуместно и по-юношески своими поэтическими фигурами, производящими неприятное впечатление, и в особенности – горгиевыми.

Фрагменты публичных речей³⁰

24. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.4–5: ... его Пифийская речь звучала с алтаря [...I 33], Олимпийская же была превращена им в важнейшее публичное заявление. Ведь, видя раздражающие Элладу споры, он выступил в роли советника, призывающего к согласию, направив их против варваров и сумев убедить в том, что достойной наградой для их оружия будут не их собственные города, но вражеские земли. Надгробная же речь, которую он произнес в Афинах, была посвящена павшим в битве воинам, погребенным афинянами с почетом и за народные деньги [...III 19].

Надгробная речь

25. Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена 90.17–91.16 (Плануд, *Комментарий к Гермогену*, 5.548.8–551.1 Walz): [...II 1] Характер речей подобного рода таков. Он восхваляет тех афинян, которые прославились на войне: «Чего не хватало этим людям из того, чем должен обладать человек? И чем таким они обладали из того, чем человек обладать не должен? Если бы я только мог высказать то, что хочу, а хотел того, что должно, укрывшись от божьего гнева и избежав человеческой зависти! Ведь эти люди обладали божественной доблестью, оставаясь по-человечески смертными, зачастую

³⁰ Полностью сохранившиеся речи «Похвала Елене» и «Апология Паламеда» см. в отдельном разделе IV 1–2.

предпочитая сдержанное равенство своенравной справедливости, а правильность слов строгости закона, считая наиболее божественным и всеобщим законом следующее: говорить и молчать, исполнять <и оставлять> должное, когда должно; и когда следует применять двойное: суждение <и силу> (γνώμην <καὶ ῥώμην>), одной из них рассуждая, другой – свершая, проявляя заботу о тех, кто несправедливо несчастен и наказывая тех, кто несправедливо очастливлен, своенравные в полезном, сдержанные в подобающем, благоразумным суждением прекращающие неразумную <силу>, дерзкие с дерзкими, размеренные с размеренными, бесстрашные с бесстрашными, ужасные среди ужасных. Свидетельство тому – победные трофеи, которые они воздвигли после победы над врагами, изваяния Зевсу и священные подношения себе, [от людей] не испытывающих недостатка во врожденной воинственности, законной любви, вооруженном раздоре и любящем красоте мире, проявляющие благочестие по отношению к богам своей справедливостью, почтение к родителям своей заботой, справедливость к согражданам в своем равенстве, уважение к друзьям в своей верности. Поэтому и тоска по тем, кто умер, не умирает с ними, но бессмертно живет в не бессмертных телах тех, кто [тоскует] по тем, кого больше нет».³¹

26. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.5: «Трофеи, завоеванные у варваров, требуют гимнов, а те, что у эллинов – френов».³²

27. Псевдо-Лонгин, *О возвышенном* 3.2: «Ксеркс, Зевс персов»³³ [...] «Коршуны – одушевленные могилы».³⁴

Олимпийская речь

28. Аристотель, *Риторика* 1414b29–33: Прозимии эпидейктических речей начинаются с восхваления или порицания, как, например, в Олимпийской речи Горгия: «Заслуживающие удивления со стороны многих, о эллины!». Так он восхваляет тех, кто организовал эти празднества.

29. Климент Александрийский, *Строматы* 1.51.2: Наша борьба требует, согласно Горгию, двух добродетелей – дерзновения и мудрости. Дерзновение – чтобы отважно встретить опасность, а мудрости – чтобы постичь загадочное. Ведь наше Слово, подобно глашатаю в Олимпии, призывает [всех] желающих, но увенчивает [лишь] способных.

³¹ Оценку этой речи Филостратом и Сирианом см. ниже: III 17, 19.

³² То есть погребальных песен. Эту же мысль высказывает Исократ в *Панегирике* 158.

³³ Ср. Геродот, *История* 7.58 и Исократ, *Панегирик* 151.

³⁴ Подобное сравнение употребляет Эсхил (*Семеро против Фив* 1020–1021). См. также свидетельство Афанасия Александрийского [III 17].

Энкомий [Похвала] жителям Элиды

30. Аристотель, *Риторика* 1416a1–3: Пример тому Энкомий элидцам Горгия: без каких-либо приготовлений или вступительных слов, он сразу же начинает: «Элида! Счастливей город!»

Из неизвестных произведений

31. Прокл, Комментарий к «Трудам и дням» Гесиода 83: То, что сказал Горгий, попросту не является истинным. Ведь он сказал, что бытие не ясно, пока не столкнулось (*μη τυχόν*) с кажущимся (*τὸ δοκεῖν*), а кажущееся бесильно, пока не столкнулось с бытием.

32. Плутарх, *О славе афинян* 348C: Трагедия тогда славилась и процветала, будучи удивительным [представлением] для слуха и зрения (*ἀκρόαμα καὶ θέαμα*) живших в то время людей, выраженным в форме мифов и страстей – «обман (*ἀπάτην*), – по словам Горгия, – когда обманывающий честнее не обманываемого, а обманутый мудрее не обманутого». Ведь обманывающий «честнее» [не обманываемого] потому, что делает лишь то, что обещал, а обманутый также мудрее [не обманутого]: ведь любой не бесчувственный человек охотно увлекается красотой слов.

33. Плутарх, *Застольные беседы* 715E: ...он [Горгий] говорил, что одна из пьес [Эсхила] была «полна (*μεστὸν*) Ареса», имея в виду его «Семерых против Фив».

34. Прокл, *Жизнь Гомера* (Chrestom., p. 100.5–6): Горгий Леонтийский возводит его [Гомера] род к Мусею.

35. Схолия к «Илиаде» Гомера 4.450a: И Горгий: мольбы были смешаны с угрозами, а стенания с молитвами.

36. Аристотель, *Политика* 1275b25–30: Горгий, может сомневаясь, а может иронизируя, сказал: подобно тому, как ступы (*ἄλμους*) изготавливаются «ступо-делателями» (*ἄλμοποιῶν*), так и ларисцы – это [люди], изготовленные «народо-делателями» (*δημιουργῶν*), которые и есть некие «ларисце-делатели» (*Λαριστοποιούς*).³⁵

37. Плутарх, *Кимон* 10: [Как Аристотель и Кратин] Горгий Леонтийский говорит, что Кимон добывал деньги, чтобы их использовать, а использовал – чтобы прославиться.

³⁵ Шутка связана с тем, что должностные лица в Ларисе, в ведении которых находились вопросы, связанные с гражданством, назывались «демиургами» («делателями народа»), то есть, продолжает Горгий, «делателями граждан Ларисы».

38. Плутарх, *Как отличить льстеца от друга* 64С: Но друг – это не то, что утверждает Горгий: «Ожидай от друга помощи, поступая справедливо, сам же помогай зачастую и тогда, когда тот поступает несправедливо».

39. Плутарх, *О женских добродетелях* 242Е: Горгий выглядит более остроумным,³⁶ требуя, чтобы не внешний вид, но репутация были тем, что делает женщину широко известной.

Приписываемые Горгию образцы инвектив и метафор

40. Аристотель, *Риторика* 1405b38–1406a1: πτωχομουσοκόλοκας («жалко-музо-льстецы») ἐπιорκήσαντας («ложно-клятвенники»), εὐορκήσαντος («благоклятвенники») [контекст: III 10].

41. Аристотель, *Риторика* 1406b9–10: «дела бледные и бескровные», «ты посеял это позорно, а пожал постыдно (κακῶς)» [контекст: III 10].

Горгий о свете, зрении и солнце

42. Платон, *Менон* 76a, с–е: [Менон:] Что есть цвет, Сократ, что ты о нем говоришь? [...] [Сократ:] Хочешь, чтобы я ответил тебе согласно Горгию, чтобы тебе было лучше следовать [за ходом рассуждения]? Разве вы оба не говорите, что, согласно Эмпедоклу, от сущих вещей происходят некие «истечения»? [Менон:] Именно так...

Теофраст, *Об огне* 73: [Пламя] загорается от стекла, меди и серебра, специальным образом обработанных, а не потому, как говорит Горгий и думают некоторые другие, что огонь проходит через поры.

43. Сопатр, *Деление вопросов* 8.23.21–23: Горгий проявил великую мудрость, говоря, что солнце – это раскаленная глыба [металла], и любил поспорить по поводу этой гипотезы (πρὸς τὴν τοιαύτην ὑπόθεσιν).³⁷

Горгий в диалогах Платона

44. Платон, *Менон* 95с: [Менон:] Что мне больше всего нравится в Горгии, Сократ, так это то, что я никогда не слышал от него подобных обещаний.

³⁶ По сравнению с Фукидидом, который считал, что самая лучшая женщина та, о которой меньше всего говорят.

³⁷ πρὸς с аккузативом может означать как «против», так и «в соответствии с», так что это лишенное контекста сообщение может подтверждать то, что Горгий обсуждал со своими учениками различные физические вопросы, в том числе и знаменитое предположение Анаксагора (A1 DK) о том, что солнце – это раскаленная глыба размером больше Пелопоннеса, разбирая с ними аргументы за и против этой гипотезы.

Напротив, он высмеивает всех тех, от кого их слышит. Он лишь думает, что людей следует делать искусными в речах (λέγειν δεινούς).³⁸

45. Платон, *Горгий* 453a: [Сократ:] Если я что-то понимаю, то ты говоришь, что риторика – это творец убеждения (πειθοῦς δημιουργός), и что вся ее задача (ἡ πραγματεία) и смысл (τὸ κεφάλαιον) состоит в том, чтобы это осуществить.

Там же, 454e–455a: [Сократ:] Так что риторика, как видно, – это творец убеждения, нечто, действующее через убеждение, а не обучение, и касающееся вопросов о справедливом и несправедливом.

46. Платон, *Горгий* 450b–c: [Горгий:] ...в других искусствах всякое умение (ἐπιστήμη) сводится к ручному труду (περὶ χειρουργίας) и другим подобным занятиям, тогда как в риторике нет ничего похожего на ручной труд (χειρουργημα), но вся ее практика (πράξις) и сущность (κύρωσις) сводятся к речам.³⁹ Поэтому я считаю, что риторика – это искусство, связанное с речами...

47. Платон, *Горгий* 456b: [Горгий:] Я частенько посещал с моим братом⁴⁰ и с другими врачами тех пациентов, которые не желали пить снадобье или не позволяли врачу проделать рассечение или прижигание, и в то время как врач не мог убедить их, мне всегда это удавалось средствами одного лишь искусства риторики.

48. Платон, *Филеб* 58a–b: [Протарх:] От Горгия я часто слышал, что искусство убеждения намного важнее других искусств; ведь все то, что ему подвластно, оно делает рабами добровольно, а не насильно...

49. Платон, *Федр* 261b–c: [Федр:] На судах, конечно-же, искусно говорить и писать, а на собрании – говорить. Ничего больше я не слышал. [Сократ:] Но разве ты слышал лишь об учебных образцах (τέχνας) речей Нестора и Одиссея, которые они в свободное время сочиняли под Троей, а о тех, что произвел Паламед, не слышал? [Федр:] Нет, клянусь Зевсом! Не слышал я и о Нестеровых, если, конечно, ты не выводешь в качестве Нестора Горгия, а в качестве Одиссея Фрасимаха и Феодора.

³⁸ Обещание научить людей добродетели дает в одноименном диалоге Платона Протагор. Он говорит, что его наука – «это благоразумие (εὐβουλία) в домашних делах, и она учит тому, как лучше всего управлять своим домом, а как – городом, чтобы превзойти всех делом и словом в политических вопросах» (*Протагор* 319a). Разумеется, искусству речей он также обещает обучить (см. *Протагор* 312d и др.).

³⁹ См. фр. II 7 выше. Необычные термины χειρουργημα и κύρωσις могут принадлежать самому Горгию.

⁴⁰ Брат Горгия Геродик был врачом (см. биографическое свидетельство I 3).

50. Платон, *Менон* 71c–e: [Сократ:] Так напomini же мне то, что сказал Горгий. Если хочешь, говори от своего имени, ведь мне кажется, что ты разделяешь его мнение. [Менон:] Да, так и есть. [Сократ:] Оставим же его в покое, как отсутствующего. Ну а ты, Менон, ради богов, скажи, что есть добродетель? Скажи без утайки, чтобы мне довелось обмануться счастливейшим обманом, если вдруг окажется, что ты с Горгием знал об этом, а я же говорил, что доселе не встречал никого кто бы знал. [Менон:] ... Во-первых, если угодно, мужская добродетель, – и легко [понять], что мужская добродетель именно такова, – быть способным вести полисные дела и, ведя их, помогать своим друзьям и вредить врагам, и самому заботиться о том, чтобы не испытать ничего подобного. Женскую добродетель, если угодно, также не сложно описать: ей надлежит хорошо управлять домашним хозяйством, сохраняя то, что внутри, и повинаясь своему мужу. У детей совсем другая добродетель, будь то мальчик или девочка, и у стариков, а также, если угодно, у свободных, или, если угодно, у рабов. Существует много других добродетелей, так что совсем не сложно рассказать о том, что есть добродетель. Так что для каждого занятия и для каждого возраста во всяком деле найдется для нас подходящая добродетель, а также, как я думаю, Сократ, и [соответствующий ей] порок.

Аристотель, *Политика* 1260a27–28: Говоря о добродетелях, проще перечислить их, как это делает Горгий, нежели дать им подобного рода определение.

III. Оценки и интерпретации

Античные сочинения о Горгии

1. Диоген Лаэртий 5.25 (Аристотель): О [воззрениях] Горгия, одна книга... Афиней, *Пир мудрецов* 505D–E: Гермипп в сочинении о Горгии... [контекст: I 24]

Влияние на современников

2. Дионисий Галикарнасский, *Лисий* 3: [Мода на] поэтический и тропический слог охватила [как эпидемия] и афинских ораторов, причем, по словам Тимея, первым был Горгий [... I 13]

3. Филострат, *Письма* 73, 257.7–23: [... I 12] ...говорят, что Аспасия Милетская «заточила» (θῆξαί) язык Перикла о Горгии. Но ведь Критий и Фукидид, как известно, также обязаны ему своими величавостью и горделивостью, которые каждый преобразовал на свой собственный лад, один в красноречие, другой в силу [слога]. Но и сократик Эсхин [...] не постеснялся «горгизировать» (γоргιάζειν) [ср. I 12] в своей речи о Фаргелии. Ведь он пишет где-

то: «Фаргелия Милетская прибыла в Фессалию и стала спутницей Антиоха Фессалийского, правящего всей Фессалией». Разделенные и соединенные выражения,⁴¹ обычные для речей Горгия, часто использовались, особенно в поэтическом кругу. Так что, о царица [Юлия Домна], поверь [...] Плутарх не только не сокрушался по поводу софистов, но и не стремился осуждать Горгия [... III 15].

4. Марцеллин, *Жизнь Фукидида* 36: Он старался иногда, как говорит Антилл, использовать одинаковое построение частей предложения (*παρισώσεις*) и перестановки (*ἀντιθέσεις*) имен, характерные для Горгия и популярные в то время среди эллинов...

5. Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 2.63: Он [сократик Эсхин] более всех имитировал Горгия...⁴²

6. Платон, *Пир* 198c: Его [Агафона] речь напомнила мне Горгия, в точности как сказано у Гомера, так что я боялся, как бы в завершение речи Агафон не натравил на мою речь голову Горгия, в сравнении со мной столь ужасного в речах (*δεινοῦ λέγειν*), и превратил меня в безгласный камень.⁴³

7. Филострат, *Жизни софистов* 1.21.5: Из всех софистов он [Скопелиан] старательнее всего изучал Горгия Леонтийского...

Там же, 2.11.3: Ему редко случалось участвовать в дискуссиях, но когда он все же вовлекался в спор, то все больше «гиппизировал» (*ἵππιάζοντι*) или «горгизировал» (*γοργιάζοντι*).

Критика его методов обучения и философии

8. Аристотель, *О софистических опровержениях* 34, 183b36–184a7: Обучение у тех, кто зарабатывает эристическими речами, было подобно тому, как учил Горгий. Ведь одни предлагали им для заучивания риторические, другие – вопрошающие речи, к которым, как они полагали, чаще всего сводятся всевозможные противоположные речи.⁴⁴ Поэтому и обучение тех, кто у них учился, было быстрым и безыскусным (*ἄτεχνος*). Ведь они считали, что обу-

⁴¹ То есть, как специально выделенные обороты, так и асиндетоны, намеренное опущение союзов между однородными членами предложения.

⁴² См. также свидетельство Филострата (III 3).

⁴³ Должно быть имеется в виду место из *Одиссеи* 11.632, а Горгий сравнивается с мифологической Горгоной. Выражение *δεινός λέγειν*, «ужасный, грозный или превосходный в произнесении речей», Платон часто употребляет в качестве характеристики софистического искусства (*Πρωταγόρ* 312d b др.). Вслед за Платоном имитатором Горгия трагика Агафона называет Филострат (*Жизни софистов* 1.9.3).

⁴⁴ См. II 4.

чают, когда вместо искусства предлагали образец для копирования (οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς τέχνης),⁴⁵ как если бы кто-то сказал, что передаст знание о том, как защитить ступни от повреждения, но затем не только не научил ремеслу кожевника, но даже не указал на те способы, которыми ему можно научиться, предложив вместо этого разнородные образцы обуви.

9. Аристотель, *Риторика* 3.1, 1404a24–27: Так как поэты, говоря обычные вещи, лишь благодаря своему стилю приобрели громкую славу, то по этой причине сначала [в риторике] доминировал поэтический стиль, как у Горгия. Да и теперь многие необразованные люди считают, что лишь подобные им [ораторы] говорят наилучшим образом.

10. Аристотель, *Риторика* 3.3, 1405b34–1406a1: Холодность (τὰ ψυχρὰ) стиля бывает четырех типов,⁴⁶ а именно: в сложных словах [...] как называет это Горгий, πτωχομουσοκόλοιας («жалко-музо-льстецы») ἐπιορκήσαντας («ложно-клятвенники»), εὐορκήσαντος (благо-клятвенники) [см. II 40].

Там же, 1406b4–11: Четыре типа холодности (τὸ ψυχρὸν) стиля встречаются и в метафорах [...] как говорит Горгий: «дела бледные и бескровные», «ты посеял это позорно, а пожал постыдно (κακῶς)» [см. II 41]. Сказано слишком поэтично.

Там же, 3.3, 1406b14–19: То, что Горгий сказал ласточке, когда та приблизилась к нему, испражняясь на лету, лучше подходит трагикам. Ведь он сказал: «Позор тебе, Филомела!» Это потому, что для птицы так поступить не позорно, но [было бы] позорно для девушки. Так что его упрек уместен в той мере, в какой он говорил о той, кем она была ранее, а не о той, кем стала теперь.⁴⁷

11. Цицерон, *Оратор* 52.175, 176: Горгий [...II 19] использовал неумеренно [...] риторические прикрасы (festivitatibus)...

12. Диодор Сицилийский 12.53.4: Он первым начал использовать необычные формы выражения [...II 20], которые, по причине их странности, в то

⁴⁵ Об образцах для копирования, которые начал сочинять Горгий, см. II 5–6.

⁴⁶ Согласно Аристотелю, холодности стиля способствуют сложные слова, вычурные выражения, а также неуместное употребление эпитетов и метафор.

⁴⁷ По одной из версий мифа, дочь афинского царя Пандиона Филомела была изнасилована Тереем, мужем своей сестры Прокны, который, чтобы скрыть преступление, вырвал у девушки язык (Аполлодор, *Мифологическая библиотека* 3.14.8). По другой версии – она онемела от стыда (Тертуллиан, *К язычникам* 1.8). Зевс превратил ее в ласточку, ее сестру в соловья, а мужа-насильника в удода. В любом случае, Горгий одновременно намекает как на факт ее превращения в птицу, так и на причину этого превращения – стыд.

время считались достойными одобрения, теперь же кажутся несколько избыточными, и вызывают смех, если используются слишком часто и без всякой меры.

13. Дионисий Галикарнасский, *Лисий* 3.4: Это показывает и [пример] Горгия Леонтийского, который во многих случаях использовал грубые и тяжеловесные выражения, так что некоторые из его изречений были «недалеки от неких дифирамбов»,⁴⁸ что верно и для его сподвижников, из числа учеников Ликимния и Пола [...I 8].

14. Дионисий Галикарнасский, *Исей* 19.2: Я намеренно оставил в стороне тех [ораторов], которые, насколько мне известно, достигли меньших успехов в этих [возвышенных] видах [ораторского искусства], нежели он [Исократ], Горгия Леонтийского, так как вижу, что он не знает меры и нередко допускает ребячество...

15. Плутарх, фр. 186 Sandbach (ар. Исидор Пелусиот, *Письма* 2.42): Плутарх думал, что подлинному аттицизму присущи ясность и простота. Так, по его словам, сказали ораторы. Горгий Леонтийский был первым, кто занес эту заразу в политические речи, поощряя высокопарность слога и сложные фигуры, уродуя тем самым их [былую] ясность. Коснулась эта зараза, по его словам, и удивительного Платона.

16. Гермоген, *О типах речи* 1.6: У этих обманчивых (ὑποξυλοῖς)⁴⁹ софистов ты мог бы найти немало подобных примеров. Так, коршунов они называют «одушевленными могилами» ...и являют много других случаев холодности стиля.⁵⁰

17. Афанасий Александрийский, Прологомены к «О судебных установлениях» Гермогена 14.180.9–19 (фр. 14 Sauppe): [...] третий вид красноречия, смехотворного вида, восхищающий молодежь, но в действительности лишь бессовестная болтовня; последователи Фрасимаха и Горгия использовали этот стиль и ошибочные аргументы [энтимемы], применяя одинаковое построение частей предложения (παρίσφ),⁵¹ не всегда понимая, когда эти схемы уместны. Многие применяли его в фигурах речи и тропах, как, впрочем, и сам Горгий, который, с применением этого [третьего] типа красноречия в

⁴⁸ Цитируется *Федр* 238d.

⁴⁹ То есть подобных статуям богов, которые украшены снаружи, но деревянные внутри.

⁵⁰ Термин «холодность» стиля взят из *Риторики* Аристотеля (см. II 10, выше), пример с коршуном также широко известен (II 16, ниже).

⁵¹ См. III 4.

своей Надгробной речи,⁵² не имея мужества сказать «коршуны», сказал «одушевленные могилы».⁵³

18. Исократ, *Похвала Елене* 14: Поэтому именно этого написавшего о Елене я восхваляю превыше всех тех, кто когда-либо пожелал хорошо высказаться [об этом деле] – за то, что он напомнил нам об этой женщине, [всех] превосходящей благородством своего происхождения, красотой и славой. Однако и он допустил небольшую погрешность: он сказал, что написал ей похвалу [энкомий], а на самом деле произнес апологию в защиту того, что она сотворила.

19. Филострат, *Жизни софистов* 1.9.5: Надгробная речь [...] ⁵⁴ составлена им с величайшим искусством (σοφία). Желая поднять афинян против мидян и персов и выступая с той же целью, что и в Олимпийской речи,⁵⁵ он ничего не говорил о согласии между эллинами, так как выступал перед афинянами, желающими верховной власти, которая не могла быть достигнута без решительных действий, вместо этого восхваляя их трофеи, завоеванные у мидян, и в то же время отмечая, что «Трофеи, завоеванные у варваров, требуют гимнов, а те, что у эллинов – френов» [II 26].

20. Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена, 91.16–19 (Плануд, *Комментарий к Гермогену*, 5.551.1–5 Walz): Здесь [см. II 25] Горгий собрал торжественные выражения и провозглашает довольно поверхностные мысли, чрезмерно украшая речь высказываниями, начинающимся и оканчивающимся одинаково.

21. Афиней, *Пир мудрецов* 220D (из «Архелая» Антисфена, фр. 203 G): Его «Антисфен» [содержит выпад] против ритора Горгия.

22. Климент Александрийский, *Строматы* 6.26.8: Мелесарга⁵⁶ же обворовали Горгий Леонтийский и Евдем Наксосский, историки...

23. Сирийское собрание греческих изречений (Studia Sinaitica 1, p. 35 Smith Lewis): Горгий говорит: «Даже опытные живописцы не способны воспроизвести красками, в смешивании которых они мастера, невероятную красоту сокрытого. Однако, их тяжкий труд и великие усилия прекрасно свидетельствуют о великолепии невидимого. И когда все этапы их труда

⁵² См. II 25.

⁵³ См. II 27.

⁵⁴ См. фрагмент надгробной речи: II 25.

⁵⁵ См. II 28 и 29.

⁵⁶ Мелесарг Халкедонский, историк. Этот фрагмент см. FGrHist 330 T 4.

близятся к завершению, они молчаливо возлагают на голову художника [или оригинала?] венок славы. Но как язык выразит и ухо слышащего услышит то, что не ухватить рукой и не увидеть глазами?».⁵⁷

IV. Сохранившиеся речи

1. ЭНКОМИЙ [ПОХВАЛА] ЕЛЕНЕ

Вступление

(1) Украшение (*κόσμος*) города – мужество, тела – красота, души – мудрость, дела – доблесть, а слова – истина. Все этому противоположное – безобразию. Мужчину, женщину, слово, действие, город и дело, достойные восхваления, надлежит восхвалять по достоинству, а недостойные – подвергать порицанию. Равно ошибкой и заблуждением было бы осуждение того, что заслуживает похвалы и похвала того, что заслуживает осуждения.⁵⁸

⁵⁷ Перевод английского по изданию А. Лакса и Г. Моста (Laks–Most 2016, V, 291, Gorgias R 29), с учетом перевода Дж. Кеннеди по Sprague 2001, 66.

⁵⁸ Подробный разбор этого сочинения Горгия: Кассен 2000 (Cassen 1995, 66–100), Wardy 1996, 25–50. Обвинения в адрес Елены и ее оправдания традиционны в греческой литературе со времен самого Гомера, который в целом негативно настроен к Елене, и поэта VI в. до н. э. Стесихора, который, напротив, развивал версию о том, что в Троию с Парисом бежала лишь «фантомная» Елена, тогда как настоящая никогда не изменяла своему мужу и не предавала страну (Платон, *Государство* 586с, *Федр* 243а–b). Ученик Горгия Исократ написал свою *Похвалу Елене*, которая, впрочем, превратилась сначала в похвалу Тесею, первому похитителю Елены и, через древнего афинского царя, в похвалу самим Афинам. Ближе всего к Горгию по «софистическому» духу находится история Елены, которую развивает в двух своих трагедиях Еврипид: «Ел. ἔξεστιν οὖν πρὸς ταῦτ' ἀμείψασθαι λόγῳ, / ὡς οὐ δικάϊως, ἢ θάναυ, θανούμεθα; / Με. οὐκ ἐς λόγους ἐλήλυθ' ἀλλὰ σε κτενῶν. Елена: Дозволено ли будет мне возразить на это речью, / ведь, если я умру, то умру несправедливо? / Менелай: Не ради речей я пришел, но чтобы тебя убить (Еврипид, *Троянки* 903–905)». Так описывает трагик первую встречу Менелая с Еленой после падения Илиона. В своей апологии, которая следует за этими словами, Елена стремится доказать, что она невиновна, сначала обвинив родителей Париса, которые не смогли его убить, несмотря на грозное предзнаменование: его матери Гекубе приснилось, что она рождает огненный факел (Еврипид, *Троянки* 924, Гигин, *Мифы* 91), или огненную эринию (Пиндар). Затем – Афродите, которая против ее воли «торговала ее красотой» (*Троянки* 936–937, 948 и др.), Менелая, который не вовремя оставил ее одну дома (там же, 945), Париса и, наконец, его брата Деифоба, который удерживал ее силой уже после смерти Париса. После этой речи Елены корифей хора восклицает, что ее необходимо опровергнуть, так как она «искусна», или, буквально, «ужасна в речах» (λέγει... δεινὸν, 967–968). Мы знаем, что так обычно характеризуется опытный со-

Похвала Елене

(2) Одному и тому же человеку предстоит прямо высказать все то, что должно, и опровергнуть [кривую речь] тех, кто осуждает Елену – женщину, в отношении которой свидетельство (πίστις) вдохновенных поэтов⁵⁹ было совершенно единогласно и единодушно (ὁμόφωνος καὶ ὁμόψυχος γέγονεν), равно как и [дурная] слава ее имени, ставшего памятником (μνήμη) несчастья.⁶⁰ Я же желаю, придав определенную аргументированность (λογισμὸν) своей речи, положить конец тем обвинениям, которые приходится выслушивать в ее адрес, доказать (ἐπιδείξει), что ее обвинители лжецы, показав тем самым истину и положив конец [их] неосведомленности [в этом деле].

(3) Тот факт, что женщина, которой посвящена эта речь, по своей природе и происхождению первейшая из первейших среди мужчин и женщин – это вряд ли кому-то не ясно. Ведь очевидно, что ее матерью была Леда, а настоящим отцом – бог, Зевс, хотя общеизвестным и считался смертный, Тиндар, из которых один представлялся ее отцом, так как был им, а другой отвергался, так как был им только на словах, и один был сильнейшим среди

фист, и именно этому искусству он обещает научить (так Платон в *Пире* 198с (см. III 6) характеризует и самого Горгия). Выступив обвинителем, мать Париса Гекуба не признает истории о богинях, отвергая тем самым божественное вмешательство, и выставляет Елену бессердечной интриганкой, которая погналась за лучшей долей в богатую Троию из относительно бедной Спарты, а вовсе не была уведена против ее воли («Кто это видел? К кому она зывала о помощи?», 998–999) и которая, вопреки ее заявлению, совершенно не стремилась бежать из Трои после смерти Париса, даже невзирая на предложения самой Гекубы покинуть город и прекратить войну, пока не поздно («...обнаглев в доме Александра», 1020). Впрочем, решение Менелая хорошо известно. Примечательно, что даже в *Елене* Еврипида (где как раз и развивается версия Стесихора о двойнике Елены) он изначально предпочитает хотя и фантомную, но все же «жену... отбитую под Троей» (*Елена* 414–15), а встретив «истинную» Елену, он все же отмечает, что ее «внешнее сходство» с фантомным образом, не придает ему «уверенности» (577, ср. также 593–594).

⁵⁹ Буквально, «поэтов, услышавших (ἀκουσάντων) [божество?]».

⁶⁰ Предложение, существенно исправленное издателями и не очень понятное. В частности, что «слышат» поэты? Возможно, как предполагают некоторые комментаторы, божество. То есть, поэты услышали это от самого божества, поэтому мы должны верить поэтам. В целом, это предложение (как и следующее) представляют собой постановку задачи, которую призвана решить эта «образцовая» речь, в некотором роде формулировку задания для ученика, что вполне уместно, учитывая показательный и учебный характер самой речи.

людей, а другой – всеобщим властителем.⁶¹ (4) Имея такое происхождение, она сравнилась с богами своей красотой – и получив (λαβοῦσα) [эту красоту], она ее не скрывала (λαθοῦσα). В результате большинство мужчин почувствовали любовное к ней влечение, так что ради одного тела собралось множество мужских тел, величественно замышлявших великие дела, из которых одни были несметно богаты, другие славились древностью своего рода, третьи – крепостью своего здоровья (εὐεξίαν), а четвертые – мощью обретенной ими мудрости. И все они собрались, движимые жадной до побед любовью и неодолимым честолюбием. (5) Кто именно удовлетворил (ἀπέπλησε) свое любовное желание, овладев Еленой, и каким именно образом – об этом я не буду говорить. Ведь рассказ знающим людям о том, что они и так знают, возможно, и добавляет веры, но никак не удовольствия. Так что, совершив в моей речи прыжок во времени, перейду теперь к началу следующей ее части и представлю те причины, по которым вероятно и случилось путешествие Елены в Трою. (6) Ведь либо по воле (βουλήμασι) случая (τύχης),⁶² либо по замыслу (βουλεύμασι) богов, либо по решению необходимости (Ἀνάγκης ψηφίσμασιν)⁶³ содеяла она то, что содеяла, а может быть была уведена силой, поддалась словесному убеждению <или, наконец, была побеждена Эротом>.

1. «По замыслу богов»

Если верно первое, то осуждения заслуживает тот, кто виновен. Но ведь божественное стремление невозможно предотвратить с помощью человеческой предусмотрительности. По природе более сильный не уступает более слабому, но слабый подчиняется и идет вслед за сильным, так что более сильный направляет, а более слабый следует за ним. Но ведь бог сильнее человека и силой, и мудростью и во всем остальном, так что если вину следует переложить на случай или божество, то Елену следует избавить от ее дурной славы.

2. «Уведена силой»

(7) Ну а если она была захвачена насильно, незаконно похищена и стала жертвой насилия, то ясно, что тот, кто ее захватил, и был несправедливым насильником, она же, к собственному несчастью, лишь подверглась насилию. Так что тот варвар, который затеял варварскую затею словом, правом и делом и заслуживает осуждения – словом, бесчестия – по праву и наказа-

⁶¹ Леда родила четырех детей, двух дочерей и двух сыновей, двое из которых, Полидевк и Елена, были детьми Зевса, а двое других, Кастор и Клитемнестра, детьми спартанского царя.

⁶² Буквально: «так пожелали Тихи».

⁶³ Буквально: «так проголосовала Ананке».

ния – за дело. Она же, похищенная, лишенная родины и тех, кого любит, – разве не заслуживает она скорее жалости, нежели злословия? Он совершил ужасные дела, она же пострадала, так что справедливым будет ее жалеть, а его ненавидеть.

3. «Поддалась словесному убеждению»

(8) Если же речь убедила ее и обманула ее душу, то и этом случае совсем нетрудно будет защитить ее и отвести от нее обвинение следующим образом: слово – могущественный властитель, посредством мельчайших и совершенно невидимых телец⁶⁴ свершающий божественные дела. Оно способно усмирить страх, облегчить горе, вызвать радость и взрастить сострадание. Я докажу, что это именно так; (9) ведь мнение (δόξη) моих слушателей должно быть подкреплено и доказательством. Поэтическим я считаю и называю всякое слово, обладающее размером. Слышащие его проникаются жутким трепетом, слезливой жалостью и горестным томлением, а душа их, при посредстве слов, особым образом сопереживает удачам и неудачам, которые сопутствуют поступкам других людей, и приключаются с их телами.⁶⁵ Но теперь я перейду от одного рассуждения к другому.

(10) [Именно] благодаря словам боговдохновенные песнопения становятся носителями удовольствия и избавителями от горя. Ведь, соединившись с представлением (δόξη) в душе, сила песнопения, зачаровывает и убеждает ее, преобразуя ее силою своего чародейства (γοητεία). Для этого изобретено два типа чародейского и магического искусства: обманы души (ψυχῆς ἀμαρτήματα) и ошибки представления (δόξης ἀπατήματα). (11) Убедившие и убеждающие кого-либо в чем-либо сами становятся создателями (πλάσαντες) лживой речи. Так как все люди в отношении всех вещей обладают воспоминанием о прошедшем, <пониманием> настоящего и предвидением будущего, так что схожая речь не будет схожим образом [обманчива] потому, что в настоящий момент нелегко припомнить прошедшее, рассмотреть настоящее или предсказать (μαντεύσασθαι) будущее. По этой причине большинство людей призывают на помощь представление в качестве советника души. А представление, само будучи неустойчивым и непостоянным, заманивает тех, кто на него рассчитывает, на путь неустойчивых и непостоянных успехов (εὐτυχίας). (12) Какая же причина мешает Елене [...] не будучи молодой, подобно тому, как она была захвачена насильно [...]? Ведь разум убеждения был в силах [...] даже если по необходимости [...] знающий обла-

⁶⁴ Ср. II 42.

⁶⁵ Букв.: «...чужих дел и тел удачи и неудачи каким-то особым переживанием через слова испытывала душа».

дает [им], он все равно обладает той же силой.⁶⁶ Ведь слово – увещатель (πεισας) души, она же, поддавшись убеждению, принуждается верить тому, что говорится и соглашаться с тем, что делается. Так что увещатель, принуждающий ее, поступает несправедливо, она же, поддаваясь убеждению и уступившая силе слов, осуждается неосновательно.⁶⁷

(13) В отношении того, что убеждение вкупе с речью оформляет душу так, как оно того пожелает, следует прежде всего изучить доводы тех, кто изучает небесные явления (μετεωρολόγων) – тех, кто, отвергнув одно представление и поставив на его место другое, делает невероятные и невидимые вещи явными для представляющего их взора; во-вторых, публичные состязания (ἀγῶνας), принуждающие словами, когда одна речь, если она искусно составлена, хотя в ней и не говорится правды, способна и развлечь и убедить толпу; в-третьих, словесные споры (ἀμίλλας) философов, которые показывают, как быстрое движение мысли (γνώμη) делает убежденность [в истинности] того или иного представления (τὴν τῆς δόξης πίστιν) легко изменчивым. (14) Сила слова находится в том же отношении к порядку души, в каком порядок снадобий (φαρμάκων) находится к природе тел. Ведь как одни снадобья вытягивают из тела одни жидкости, а другие – другие, и прекращают, одни болезнь, а другие – жизнь, так же из речей одни вызывают горе, другие – радость, страх или пробуждают в слушателях дерзость, а некоторые отравляют (ἐφαρμάκευσαν) душу злобными уговорами и зачаровывают ее.⁶⁸ (15) Так что следует признать, что если она подчинилась словесным уговорам, то не виновна, но несчастна.⁶⁹

⁶⁶ Два предложения испорчены в рукописи не поддаются восстановлению (locus valde corruptus nondum sanatus). Можно предположить, что Горгий хотел сказать, что Елена, как и в случае с похищением против ее воли, не виновна потому, что даже взрослые и опытные люди нередко поддаются убеждению, так как, даже обладая разумением, в погоне за неверным успехом они тем не менее нередко полагаются на свои неустойчивые и ненадежные представления.

⁶⁷ То есть, в качестве основного аргумента вновь подчеркивается ограничение воли пострадавшего, в духе римской правовой формулы «*neс vi, clam, precario*», ведь человек может совершить нечто против его воли не только уступая физическому или психическому принуждению, но и будучи введенным в заблуждение хитростью (*clam*) или неопределенными обещаниями (*precario*, букв. владение до востребования).

⁶⁸ Обыгрывается двойное значение слова «снадобье» (φαρμάκων), означающее как лекарство, так и отраву.

⁶⁹ Заметим, что в *Илиаде* 3.390–418 Афродита также сначала пытается убедить и даже в некотором роде околдовать Елену и лишь затем, когда убеждение не подействовало и чары спали, переходит к прямым угрозам.

4. «Omnia vincit amor»

Четвертую причину я объясню в четвертой части этой речи. Ведь если Эрот все это сотворил, то она без труда избегает обвинения в том прегрешении, которое, как говорят, совершила. Вещи, которые мы видим, не являются по природе тем, чем мы хотели бы, но каждая такова, какая есть (ἔτυχε), а душа, благодаря зрению, оформляется присущими ей способами (τρόποις). (16) К примеру, когда тела воинов облачаются против врага в бронзовые и железные доспехи и оружие, как оборонительные, так и наступательные, то зрение смотрит на это взбудоражено и будоражит душу, так что противник нередко в панике бежит из страха перед будущей опасностью так, как если бы она была настоящей. Ведь истина ума⁷⁰ изгоняется страхом перед тем, что открывается взору, который, охватив их, заставляет забыть как о том, что считается прекрасным по закону, так и о том, что становится благим по справедливости.⁷¹ (17) Увидевшие нечто ужасное люди, бывало, временно трогались рассудком (φρονήματος ἐξέστησαν): так страх гасит и изгоняет мысль (νόημα). Многие пали жертвой напрасных страданий, жутких болезней⁷² и неизлечимых безумств. Зрение запечатлевает в разуме образы увиденных вещей. И многие из них, притом ужасные, остаются, и оставшиеся подобны тем, о которых говорилось. (18) Но и художники, когда они многими красками и телами в совершенстве изображают одно тело и форму, радуют тем самым взор. А мужские изваяния и статуи богов вызывают сладостную резь⁷³ в глазах. Ведь в природе зрения заложено страдать от одних вещей и желать (ποθεῖν) другие, и множество вещей прививает (ἐνεργάζεται) многим людям эротическую любовь (ἔρωτα) и желания по отношению ко многим вещам и телам.

⁷⁰ Стоящее в рукописях выражение ἡ ἀλήθεια τοῦ νόου Г. Дильс исправил на ἡ συνήθεια τοῦ νόμου, «обычай права». То есть в нашей версии воины теряют рассудок и поддаются эмоциям, а в версии Дильса – забывают свой долг и также поддаются эмоциям. Donadi предложил τοῦ νόου («истины»), стоящее в рукописи, заменить на τοῦ πόνου («труда, мучения, тяготы»).

⁷¹ τοῦ καλοῦ τοῦ διὰ τὸν νόμον κρινομένου καὶ τοῦ ἀγαθοῦ τοῦ διὰ τὴν δίκην γινομένου. Blass заменяет δίκην на νίκην, тогда в фразе подчеркивается героическая мораль: «... забывают о том, чем по праву восхищаются и что приносит благо в случае победы».

⁷² В другой рукописи наоборот: «напрасных болезней и жутких страданий».

⁷³ Букв. «болезнь». В рукописи стоит ὅσον («настолько»). Исправление на νόσον («болезнь»), предложенное Dobree, учитывая следующее предложение, очевидно. Keil предложил более нейтральное θέαν («видение»).

(19) Так что, если глаза Елены, плененные видом тела Александра, передали ее душе вожделение и вдохновенные Эротом сомнения,⁷⁴ то что в этом удивительного? Но если он бог, обладающий божественной силой, присущей богам, то как же более слабый сможет противостоять ему и как защитит себя? Так что, если перед нами случай человеческой слабости (νόσημα) или душевного неразумия (ἀγνόημα), то и воспринимать его следует не как преступление (ἀμάρτημα), но как несчастье (ἀτύχημα). Так что ушла она, как ушла, будучи поймана в сети случая,⁷⁵ а отнюдь не по совету разума (γνώμης βουλεύμασιν), принуждаемая Эротом, а вовсе не в результате заранее подготовленной интриги (τέχνης παρασκευαίς).

Заключение

(20) Как же можно считать справедливым то обвинение, которое выдвинуто против Елены, если она совершила то, что совершила либо потому, что была побеждена Эротом (ἐρασθείσα), либо убеждена речами, либо похищена силой, либо принуждена божественным принуждением? Разве в каждом из этих случаев она не избегает обвинения? (21) Этой речью я избавил женщину от дурной славы, придерживаясь при этом того порядка, которые установил в начале речи. Я постарался снять несправедливое обвинение и представление, основанное на незнании. Моим желанием было сочинить речь, Елене – похвалу, а мне – забаву.

2. АПОЛОГИЯ [ЗАЩИТА] ПАЛАМЕДА

Вступление

(1) Обвинение (κατηγορία) и защита (ἀπολογία) – это суд (κρίσις) не о смерти. Ведь на смерть природа своим решением осудила всех смертных в день их рождения. Спор идет о чести и бесчестии, о том, должен ли я умереть справедливо или же насильственно умереть с великим позором и в результате постыдного осуждения. (2) Таковы две возможности, и вы управляете одной, а я – другой, я – правом, вы – насилием. Ведь вы с легкостью меня убьете, если захотите, так как управляете тем, что совершенно не в моей власти.

Обвинитель и суть обвинения

(3) Если бы мой обвинитель Одиссей, отчетливо видящий, что я предаю Элладу варварам, или же имеющий основания думать, что я так поступил, выдвинул бы против меня обвинение, проявляя тем самым заботу об Элладе,

⁷⁴ Букв. ἄμιλλα «[внутренняя] борьба» (ср. 13, выше, где этим же словом характеризуются философские споры).

⁷⁵ τύχης ἀγρεύμασιν. Чтение рукописи ψύχης «души» исправлено Reiske на τύχης «случая».

то он поступил бы как доблестный человек. Как же иначе? Ведь он спасает отечество, предков и всю Элладу, наказывая к тому же преступника. Но если он задумал это обвинение из зависти, ради мошенничества или злодейства, тогда, как в предыдущем случае он был сильнейшим из людей, теперь он станет наихудшим из них!⁷⁶

(4) Но с чего мне начать свою речь об этом? О чем сказать в первую очередь? К чему обратиться в свою защиту? Ведь недоказанное обвинение порождает явное изумление, а за изумлением обязательно следуют словесные затруднения, так что, если бы я не учился у самой истины и на тех затруднениях, что приключились со мной, то обратился бы к [неверным] учителям, от которых жди скорее вреда, чем помощи.

(5) Обвинитель выдвинул свое обвинение, не видя обстоятельств дела достаточно отчетливо – это я отчетливо вижу! Ведь я отчетливо понимаю, что не делал ничего подобного. И я не понимаю, как кто-то мог бы знать о чем-то таком, чего никогда не происходило? Если, полагая, что так именно и обстояли дела, он выдвигает обвинение, то я докажу вам двумя способами, что он не говорит правду. Ведь неверно как то, что если бы я хотел, то смог бы (βουλευθεῖς ἐδυνάμην), так и то, что если бы мог, то хотел бы (δυνάμενος ἐβουλήθην) творить подобные дела.

«Не смог бы»: объективные обстоятельства

(6) Обращусь сначала к первому из этих доводов, согласно которому я не способен (ἀδύνατός εἰμι) это совершить. Если у предательства и было бы пер-

⁷⁶ Сын Навплия и Климены, троянский герой Паламед отличался необыкновенным умом и проницательностью. Ему приписывается изобретение букв алфавита, мер и весов, а также различных игр. Отличился он и как врач, лечивший воинов различными снадобьями, архитектор, построивший маяк, облегчающий ночную навигацию для греков, стоящих под Троей, снабженец, спасший войско от голода, вовремя доставивший пшеницу из Фракии и т. д. К сожалению, Одиссей был настроен к нему враждебно, так как тот опозорил его и заставил принять участие в походе на Трою. Дело в том, что Одиссей не хотел покидать Итаку и свою жену и, чтобы не исполнять обещание принять участие в общем походе, притворился безумцем и начал засеивать поле солью. Однако Паламед, предполагая, что это обман, положил в борозду перед упряжкой Одиссея младенца Телемаха. Царь Итаки не смог растоптать своего сына, тем самым продемонстрировав, что не безумен. Паламед был осужден и побит до смерти камнями, однако не все верили в его виновность, в частности Аякс, который похоронил его тело, вопреки запрету Агамемнона. Отвлеченно рассуждая, можно предположить, что если бы Приам искал мира с греками, то обратиться к Паламеду, известному своей рассудительностью и не воинственностью, было бы наилучшим решением. Сложись обстоятельства иначе, он мог бы стать наилучшим посредником.

вое начало, то это было бы слово: ведь последующие действия обязательно предваряются словами.⁷⁷ Но откуда возьмутся слова, если не случилось никакого собрания? Но как такое собрание могло бы состояться, если этот человек не посылал никого ко мне и если никто не ходил к нему от меня? Ведь даже письменное известие не прибывает без разносчика (φέρωντος). (7) Все это может случиться благодаря слову. Так что я с ним, а он со мной – но каким образом? Кто с кем? Эллин с варваром? Как слушаю и как говорю? Один на один? Но ведь мы не пойдем ни слова из сказанного друг другу. Значит, через переводчика? Тогда возникнет и третий человек, свидетель того, что должно быть скрыто.

(8) Но если бы это все же случилось, хотя ничего и не было. Тогда после этого [обмена речами] следовало бы дать и принять [нечто в качестве] гарантии (πίστιν). Что могло бы стать подобной гарантией? Может, клятва? Но кто же станет доверять мне, предателю? Или же заложники? Но какие [заложники]? Я мог бы, например, выдать своего брата (ведь у меня никого больше нет), а варвар – одного из своих сыновей. Это стало бы наилучшей гарантией для меня от него и для него от меня. Но если бы это случилось, то стало бы явным для всех вас. (9) Кто-то, возможно, скажет, что в качестве гарантий мы обменялись [ценными] вещами, он мне что-то дал, а я получил.⁷⁸ Мало ли [получил я ценностей]? Но кто же за значительные услуги получает мало ценностей? Или [я получил] много [ценностей]? Но кто же поставщик? Как он их доставил? Или же это сделали многие? Но если бы многие доставляли, то было бы множество свидетелей заговора, а если бы доставлял лишь одни, то он не смог бы многое принести. (10) Днем это было или ночью? Но как сделать такое скрытно при такой многочисленной и плотной охране? Значит, днем. Но ведь и свет – враг подобных дел. Пусть так! Но тогда я вышел, чтобы принять, или же он спустился, чтобы доставить? Затруднительно и то, и другое. Получив же, как бы я укрыл это от тех, кто снаружи, и от тех, кто внутри? И куда бы я это положил? Как бы охранял? Если бы использовал, то это было бы заметно, если бы не использовал, то какая бы мне была от этого польза?

(11) Если бы все же не случившееся случилось. Мы встретились, говорили, слушали, я взял у них ценности, взял незаметно и спрятал. Тогда настало бы время исполнить то, ради чего это случилось. Но, по сравнению с теми делами, о которых только что сказано, это выполнить еще затруднительней. Совершив это деяние, я сделал бы это в одиночку или с другими. Но такое

⁷⁷ Согласно распространенной версии мифа Паламеду в шатер было подброшено письмо Приама с обещанием награды, если он прекратит войну.

⁷⁸ Вместе с письмом в шатер Паламеду было подброшено и золото.

дело не для одного человека. Значит, с другими? Но с кем? Очевидно, с моими спутниками. Свободными или рабами? Но свободные – это вы, с которыми я сейчас нахожусь. Кто же из вас сообщник? Пусть скажет! А к рабам как может не быть недоверия? Ведь обвиняют они либо добровольно в обмен на свободу, либо по необходимости под пыткой. (12) Что касается самого деяния, как его исполнить? Ясно, что нужно было привести врагов, более сильных, нежели вы. Но это невозможно. И как бы я их привел? Через ворота? Но ведь открывать и закрывать их не в моей власти (οὐκ ἐμὸν) – за это отвечают военачальники. Со стен по лестнице? Как же! Ведь там полно стражей. Может, сделав пролом в стенах? Но ведь тогда это бы все заметили. Ведь воинская жизнь протекает под открытым небом (это же лагерь), когда <все> все видят и каждый на виду у каждого. Так что все это сделать для меня было вообще невозможно.

«Не захотел бы»: отсутствие мотива

(13) Давайте-ка вместе рассмотрим и это. Ради чего я мог бы захотеть это сотворить (βουληθῆναι), если бы вообще мог (ἐδυναμῆν)? Ведь никто не желает подвергнуться величайшей опасности впустую, или сделаться злодеем через величайшее злодеяние. Ради чего же? (Но к этому я еще вернусь.)

Неужели, чтобы тиранствовать? Над вами или варварами? Над вами невозможно, учитывая то, сколько вас и каковы вы; ведь сколь великими вещами вы обладаете: и доблестью ваших предков, и множеством ценностей, и ратными подвигами, и силой мысли и властью над городами. (14) Или же <над варварами>? Но кто мне их отдаст? И с помощью какой силы я овладею ими, эллин – варварами, одни – многими? Убеждением или насильно? И захотели бы они поддаться убеждению, а я – смог бы я их убедить? Но что если среди них есть и такие, которые добровольно предают себя в руки того, кто на это согласен, вручая ему награду в обмен за предательство? Но поверить в это и принять это было бы величайшей глупостью: кто же выберет рабство вместо царства, худшее вместо лучшего?

(15) Кто-то может быть скажет, что я сделал это из любви к богатству и ценностям? Но у меня немного ценностей, и больше мне не нужно. Ведь много нужно лишь тем, кто многое расточает, не тем, кто сильнее природных удовольствий, но порабощенным наслаждениями искателям почестей через богатство и великолепие. Но все это не по мне, и истинность моих слов подтверждает вся моя предыдущая жизнь; вы же будьте мне верными свидетелями. Ведь вы находитесь (σύνεστε) со мной, и потому осознаете (σύνιστε) это.

(16) Ради славы (τιμῆς) такое не сотворит и полоумный! Ведь почести (τιμαί) [следуют] за доблестью, а не за злодеянием. Какой славы сподобиться

муж, предавший Элладу? Кроме того, ведь я же не был обделен славой: ведь я восхвалялся за наиболее почетные деяния наиболее уважаемыми людьми – вами за мою мудрость.

(17) Никто не совершил бы подобное и ради собственной безопасности. Ведь предатель всем враг, и закону, и справедливости, и богам, и множеству людей. Ведь он преступает закон, разрушает справедливость, уничтожает людей (τὸ πλῆθος) и позорит божество. Значит, жизнь подобного человека совсем ненадежна из-за множества великих опасностей.

(18) Но [не совершил ли я это] из желания помочь друзьям или навредить врагам? Ведь ради этого кто-то может поступить несправедливо. Но ведь со мной случилось как раз противоположное: я сотворил зло для друзей и помог врагам. Так что это деяние не сопровождалось благом приобретением, а никто не злодействует лишь из желания испытать [на себе] зло.

(19) Осталось рассмотреть последнее: может я совершил это, стремясь избежать какого-либо ужаса, страдания или опасности. Но что из этого относится ко мне – кто бы смог сказать? Люди делают все, что они делают, ради двух вещей: либо преследуя выгоду, либо избегая наказания. Что же касается злодейств, совершенных по другим, отличным от этих, причинам, то разве не очевидно, что, совершая их, я приношу вред самому себе? Предавая Элладу, я предаю себя, своих родителей, друзей, почитаемых предков, отеческие храмы, гробницы, величайшее отечество, нашу Элладу. Так я отдал бы в руки тех, с кем поступил несправедливо, самое важное для каждого из нас – [свою жизнь].

(20) Рассмотрите также и это. Разве не станет невыносимой мне, сотворившему такое, и сама жизнь? Куда мне следует направиться? В Элладу? Чтобы предстать перед судом за мои преступления? Кто защитит меня от тех, кто пострадал из-за меня? Может, остаться с варварами? Оставив величайшие дела, лишившись сладчайшей славы, впавши в злейшее бесчестие, отринув все труды, которые я свершил в течение моей жизни ради доблести? И все из-за меня, ведь хуже всего человеку испытать несчастье из-за себя самого! (21) Но ведь и варвары не сочтут меня достойным доверия. Как же иначе, зная, какое неверное дело я совершил, предав врагам своих друзей? Человеку, лишённому доверия, и жизнь не в жизнь. Можно вернуть утраченные ценности, восстановить потерю верховной власти или вернуть на родину изгнанника, но утративший доверие никогда не сможет его вернуть.

Так что я никогда <бы не смог и> не захотел бы предать Элладу, и все вышесказанное это доказывает.

Опровержение обвинения

(22) Теперь я хотел бы обратиться к обвинителю. Во что же ты веришь, когда, будучи тем, кто ты есть, обвиняешь такого человека, как я? Ведь следует это изучить, равно как и суть сказанного тобой – [обвинения] недостойного человека против человека, его не заслуживающего (*ἀνάξιος ἀναξίω*).

Обвиняешь ли ты меня, основываясь на точном знании или на мнении (*εἰδῶς ἀκριβῶς ἢ δοξάζων*)? Если основываясь на знании, то знаешь ты либо потому, что сам видел, либо участвовал в этом, либо расспросил <участника>. Если видел сам, то сообщи этим людям <способ>, каким ты увидел: каковы место, время, когда, где и как; если участвуя лично, то и тебя можно обвинить в том же самом; если же услышав от участника, то скажи, кто он, пусть он выйдет, представится и засвидетельствует это. Ведь благодаря свидетельству станет надежнее и само обвинение. И до сих пор никто из нас не предоставил свидетеля. (23) Возможно, ты скажешь, что одно и то же, для тебя не предоставлять свидетеля, подтверждающего то, что, как ты говоришь, случилось, и для меня [не предоставлять свидетеля, подтверждающего то,] чего не было. Но это не так! Ведь невозможно засвидетельствовать то, чего никогда не случалось. Относительно же того, что было, не только не невозможно, но и легко, и не только легко, но и вполне тебе по силам было найти не только свидетеля, но и лжесвидетеля, тогда как я не могу найти ни одного из них.

(24) То, что ты не знаешь того, в чем меня обвиняешь, – это очевидно. Тебе остается, значит, в отсутствие знания, опираться на мнение. Значит, доверяя лишь мнению, самой неверной вещи, и не зная истины, ты, самый дерзкий из людей, дерзнул обвинить человека в преступлении, наказуемом смертью? Откуда у тебя осознание того, что он это совершил? Ведь всем людям свойственно иметь мнение обо всем, и ты ничем не мудрее других в этом отношении. И доверять следует скорее не тем, кто имеет мнение, но тем, кто знает; и не следует мнению доверять больше, нежели истине, но, напротив, истине больше, нежели мнению.

(25) В ранее упомянутых речах ты обвиняешь меня в двух противоположных вещах – хитроумии и безумии (*σοφίαν καὶ μανίαν*). Но ведь один и тот же человек не может обладать ими [одновременно]. Ты обвиняешь меня в хитроумии, называя искусным, коварным и находчивым, и в безумии – говоря, что я предал Элладу. Ведь безумны те дела, которые недопустимы, опасны, позорны, те, что приносят вред друзьям и помогают врагам, а жизнь самого человека делают предосудительной и ненадежной. Как же можно верить тому, кто в одной и той же речи об одном и том же человеке сообщает по поводу одного и того же прямо противоположные вещи? (26) А теперь

я хотел бы тебя спросить: считаешь ли ты хитроумных людей безумными или разумными? Если безумными, твое утверждение будет новым, но неверным, если же разумными, то разве подобает разумному человеку совершать величайшие прегрешения и зло предпочитать наличному благу? Если я хитроумен, то не ошибся бы, а если ошибся, то не хитроумен. Так что ты солгал бы в обоих случаях.

(27) Имея возможность в свою очередь обвинить тебя во многих и великих, старых и новых проступках, я, тем не менее, этого не желаю. Избежать же этого обвинения <я желаю> не при помощи твоих злых дел, но при помощи моих добрых. Вот и все, что касается тебя.

Обращение к судьям и встречное обвинение

(28) Обращаясь к вам, судьи, я желаю рассказать о себе нечто завидное, но верное, не допустимое для того, кого <не> обвиняют, но для подсудимого просто необходимое. Так что теперь я предоставляю вам отчет и рассказ о моей прошлой жизни. Но прошу вас, если я напомним вам о добрых делах, которые я совершил в прошлом, не завидовать сказанному, но отнестись к этому как к чему-то необходимому для того, кто ложно обвиняется в ужасных вещах, и поэтому должен сказать правду и о тех добрых делах, о которых вы все знаете. И я сделаю это с превеликим удовольствием.

(29) Первое, и второе, и главное: вся моя жизнь, с самого начала и до конца, была безгрешной и свободной от всяких обвинений. Ведь никто перед вами не смог бы [до сих пор] обвинить меня в злодеянии сколь-либо основательно. Но и теперешний обвинитель не предоставил никаких доказательств в пользу того, что сообщил. Так что его речь похожа на оскорбление (λοιδορία), лишенное доказательства (οὐκ ἔχουσαν ἔλεγχον).

(30) Вот что я вам скажу, и сказанное мной не ложно и не опровержимо: я вовсе не преступник, но величайший благодетель для вас, для всей Эллады и для всего человечества, и не только для тех, кто живет сейчас, но и для грядущих поколений. Кто превратил человеческую жизнь в удобную из затруднительной (πόρμον ἐξ ἀπόρου), в красивую из безобразной (κεκοσμημένον ἐξ ἀκόσμου), изобрел боевые порядки, важнейшие для достижения победы, писанные законы, охраняющие справедливость, письмо, инструмент для запоминания, меры и веса, полезные средства для торгового обмена, число, хранитель ценностей, сигнальные огни, наилучших и наискорейших вестников, и игру в кости, безбидный способ провести свободное время?

Но ради чего я напоминаю вам об этом? (31) Чтобы показать, что к таким вот вещам я обращаю свой ум, и подать вам знак, что позорные и злые дела мне отвратительны. Ведь для того, кто обращает свой ум к одним из них, невозможно не испытывать отвращение к другим. Так что, не сделав вам ниче-

го дурного, я думаю, что заслужил права не испытать и вашей несправедливости по отношению ко мне. (32) Не заслуживаю я и того, чтобы молодые или старики заставили меня страдать и за другие мои занятия. Ведь я ничем не огорчал стариков, а молодым был вовсе не бесполезен, не завидуя счастливым и сочувствуя несчастным. Я не унижал бедность, и не предпочитал богатство доблести, но, напротив, доблесть богатству, не молчал на советах и не ленился в бою, делал то, что приказано и подчинялся командирам. Мне не следовало бы восхвалять себя, но текущий момент того требует: каково обвинение, таково и защита!⁷⁹

(33) Мне осталось нечто сказать вам о вас самих, и сказав это, я закончу мою апологию. Стенания, мольбы и поддержка друзей полезны, когда решение выносит толпа. Что же касается вас, первых среди эллинов и считающихся таковыми, то мне не следует пытаться убедить вас с помощью друзей, стенаниями или мольбами, ведь осуждения я смогу избежать и благодаря ясной справедливости, объясняя истину, а не обманывая. (34) Вам же следует обращать свое внимание не на слова, но на дела, обвинение не предпочитая опровержениям, не считая краткий срок более мудрым судьей по сравнению с долгим временем, и не думая, что хула может быть надежнее опыта. Ведь добрым мужам прилично проявлять осторожность во всем, дабы не совершить ошибки, и в неизлечимых случаях (*ἀνήκεστα*) более, чем в излечимых (*ἄκεστῶν*).⁸⁰ Ведь первые могут быть [излечены] теми, кто подумал заранее (*προνοήσασι*), тогда как вторые неизлечимы, если думают о них слишком поздно (*μετανοήσασι*). Одним из таких случаев является ситуация, когда один человек осуждает другого на смерть. А именно это вам и надлежит сейчас решить.

(35) Если бы истина о делах стала ясной слушателям благодаря этой речи и понятной, то не сложно было бы вынести суждение на основании сказанного. Но поскольку это не так, то возьмите меня под стражу,⁸¹ подождите некоторое время, вынесите решение в согласии с истиной. Ведь риск велик и для вас: показав свою несправедливость, вы утратите одну славу, а приобретете другую. Но разве для добрых людей смерть не предпочтительнее дурной славы? Первое – конец жизни, второе – пожизненная болезнь. (36) И это станет всем очевидно, если вы убьете меня несправедливо. Ведь я невиновен

⁷⁹ Буквально: «...против обвинения такого рода я должен защитить себя всеми возможными способами».

⁸⁰ τὰ δὲ ἀνήκεστα τῶν ἄκεστῶν ἔτι μᾶλλον. Отличная формулировка правового принципа.

⁸¹ τὸ μὲν σῶμα τοῦμόν φυλάξατε, букв. «охраняйте мое тело». Терминология, аналогичная гарантии личной свободы английского права – Habeas corpus.

(ἀγνός),⁸² ваша же порочность станет известна всей Элладе и видна ей. И увиденное всеми обвинение, достойное вашей несправедности, падет уже на вас, а не на обвинителя: ведь завершить суд в вашей власти. Но можно ли представить себе большую ошибку! Несправедливо осудив меня, вы согрешите не только против меня и моих родителей, но и сами постигнете, насколько ужасный, безбожный, несправедный и незаконный поступок вы совершили, послав на смерть вашего соратника, полезного вам благодетеля всей Эллады, эллины – эллины, хотя пока вы, конечно же, не проявили явной несправедливости и не вынесли неверного осуждения.

Заключение

(37) Я высказал свою точку зрения и на этом остановлюсь. Кратко напоминать о том, что сказано подробно, имеет смысл (ἔχει λόγον) лишь в присутствии дрянных судей.⁸³ Но по отношению к первым среди первых, эллинам среди эллинов не достойным будет подумать, будто они не держат в голове и не запоминают того, что было сказано.⁸⁴

V. «О том, чего нет, или О природе»

1. Аристотелевский корпус, *О Мелиссе, Ксенофане и Горгии*:⁸⁵

[979a12–33] (1) Горгий говорит, что ничего нет; если же есть, то непознаваемо; а если познаваемо, то не может быть объяснено другим (Οὐκ εἶναί φησιν οὐδέν· εἰ δ' ἔστιν, ἀγνωστον εἶναι· εἰ δὲ καὶ ἔστι καὶ γνωστόν, ἀλλ' οὐ δηλωτὸν ἄλλοις).

⁸² Популярное исправление текста в рукописи на «ἐγώ τε γὰρ <οὐκ> ἀγνός, ὑμῶν τε πᾶσιν Ἑλλησι γνώριμος...» позволяет противопоставить ἀγνός и γνώριμος, «неизвестный» и «известный», однако дает худший смысл в данном контексте.

⁸³ Предложение «...πρὸς μὲν φαύλους δικαστὰς ἔχει λόγον...» можно также перевести как «...только если некто держит речь (слово) перед дрянными судьями...».

⁸⁴ В этом предложении Горгий увлекается своими знаменитыми повторами. Буквально будет так: «Но по отношению к первым среди первых (τοὺς δὲ πρώτους τῶν πρώτων), эллинам среди эллинов (Ἑλληνας Ἑλλήνων), не достойным будет не посчитать их достойными (οὐκ ἄξιον οὐδ' ἀξιῶσαι), [предположив], что они не держат в голове и не запоминают того, что было сказано».

⁸⁵ Вопрос о том, какое изложение речи Горгия ближе к оригиналу – то, что сохранилось в составе Аристотелевского корпуса или же то, что содержится у Секста Эмпирика, вероятно, неразрешим. Основательное исследование: Newinger 1979; новое издание: Ioli 2010. Важна серия статей, опубликованных в журнале *Philosophy & Rhetoric* (в особенности в выпуске XXX за 1997 г.) Из недавних работ, исследующих аргументы недошедшего до нас сочинения Горгия, см. Вольф 2014 (включая перевод текста), Rodriguez 2020 (включая полезные схемы).

Первый тезис

(2) [Для доказательства первого тезиса о том,] что «[ничего] нет» (οὐκ ἔστι) он собирает вместе то, что сказали об этом другие, все те, кто, рассуждая о тех [вещах], которые есть (τῶν ὄντων),⁸⁶ как видно, противоречат друг другу,⁸⁷ так что одни говорят, что есть единое (ἓν), но не многое (οὐ πολλά), а другие – что многое, но не единое, и еще одни говорят, что [вещи] не возникли (ἀγένητα), а другие – что возникли (γενόμενα), из чего он делает выводы, направленные как против одних, так и против других. (3) Ведь, как он говорит, если нечто есть, то оно не единое и не многое, не не-возникло и не возникло. <Но если оно не могло бы быть не единым и не многим, не не-возникшим и не возникшим>, тогда ничего не было бы. Ведь если бы что-то было, то оно должно было бы быть единым или чем-то из всего этого. То же, что оно – это не единое и не многое, не не-возникшее и не возникшее, он стремится показать, отчасти подобно Мелиссу, отчасти – Зенону, сначала предложив собственное доказательство, в котором говорит, что оно не может как быть, так и не быть (οὐκ ἔστιν οὔτε εἶναι οὔτε μὴ εἶναι). (4) Ведь если бы того, чего нет, не было бы, тогда несущее (τὸ μὴ εἶναι) было бы не в большей степени (οὐδὲν μᾶλλον), нежели то, что есть. Ведь несущее – это несущее, а сущее – это сущее, так что вещи есть не в большей мере, нежели их нет. (5) Если, тем не менее, несущее есть, то сущего, как он говорит, напротив, нет. Ведь если есть несущее, то сущему подобает не быть. (6) Таким образом, по его словам, ничто получит существование, если, конечно [не предположить], что быть и не быть – это одно и то же. Но если это одно и то же, то тогда будет и небытие. Ведь чего нет, того нет, впрочем, как и того, что есть, в силу его тождественности с тем, чего нет. Таково его собственное рассуждение.⁸⁸

⁸⁶ Видно, что здесь и далее аргументация касается скорее совокупности вещей и вопроса о том, есть каждая из них в отдельности или же ее нет, нежели о понятиях «бытие» или «ничто» в более универсальном «метафизическом» смысле. Следует заметить также, что в переводе я стремился избегать неестественных для русского языка выражений, вроде «[нечто] не есть» (οὐκ ἔστι), используя в подобных случаях выражение «[чего-то] нет». Неприятно появившееся в этом месте трактата субстантивированное «не быть» (τὸ μὴ εἶναι) я перевожу как «несущее», что по смыслу эквивалентно «тому, чего нет». Естественно предположить в этом месте влияние перипатетической школы (ведь трактат не зря входит в Аристотелевский корпус). Слова «существовать – не существовать» и «быть – не быть», которые, очевидно, означают одно и то же, иногда в переводе используются взаимозаменяемо.

⁸⁷ Типичное для перипатетика стремление вписать идеи Горгия в контекст философских дискуссий его времени.

⁸⁸ Следующий раздел (979a34–979b19) представляет собой критику этого положения автором трактата. См. ниже, V 3.

[979b20–980b21] После этого рассуждения, он говорит следующее: если нечто есть, оно либо не возникло, либо возникло. Если не возникло, то беспрельдно, так как он принимает аксиому Мелисса. Но беспрельдного быть никогда (ποτε)⁸⁹ не может. Это потому, что оно [не заключено] ни в себе, ни в чем-то ином, так как в последнем случае у нас появится два или более (ἢ πλείω)⁹⁰ беспрельдных, одно – внутри, а другое – то, внутри чего. Но, будучи ничем, оно ничто, согласно положению Зенона о месте. (10) Так что оно не не-возникшее, но, однако же, и не возникшее. Ведь ничто не может возникнуть ни из того, что есть, ни из того, чего нет. Если изменяется то, что есть, оно перестает быть тем, что есть, точно так же, как и если бы то, чего нет, возникло, то оно перестало бы быть тем, чего нет. (11) Но и из того, что есть, оно также возникнуть не может. Ведь если нет того, чего нет, то и ничего не может возникнуть из того, чего нет, и по той же причине, по которой оно не возникает из того, что есть. (12) Значит, если нечто есть и необходимо, чтобы оно было не-возникшим или возникшим, что в обоих случаях <невозможно>, то невозможно чему-либо быть.

[979b36–979b41] (13) Если же, как он говорит, нечто есть, то оно либо единое, либо нечто большее (πλείω). Но если бы это не было единым или многим, то оно было бы ничем. Если же единым... и что оно было бы бестелесным... обладая... согласно слову Зенона... будучи единым оно не было бы... не было бы... многих... если нет... ни многих, то ничего нет.⁹¹

[980a1–980a8] (14) Ничто, как он говорит, не может и двигаться. Ведь если бы нечто двинулось, то оно не осталось бы в том же состоянии, но то, что есть, перестало бы быть, а то, чего нет, возникло бы. (15) Кроме того, если оно движется и перемещается не будучи при этом непрерывным, то претерпевает разрыв, если же нечто <разрывается>, то его больше нет: ведь двигаясь повсюду (πάσῃ), оно повсюду и разделено. (16) А если это так, то оно ни-

⁸⁹ Это чтение рукописи Foss исправляет на που («где-то», «как-нибудь»).

⁹⁰ Это чтение рукописи Vonitz исправляет на ἄπειρο.

⁹¹ Текст этого параграфа полностью испорчен в рукописи и восстанавливается по смыслу. Если следовать той же логике доказательства, то Горгий должно быть имел в виду следующее (курсивом отмечены гипотетически восстанавливаемые пропущенные места): «Если же, как он говорит, нечто есть, то оно либо единое, либо нечто большее. Но если бы это не было единым или многим, то оно было бы ничем. Если же оно было бы единым, то, *не обладая протяженностью*, было бы бестелесным, *таким свойством* обладая согласно слову Зенона. *Не будучи единым*, оно не было бы *вообще ничем*, так как если не было бы *одной вещи*, то не было бы и *многих вещей*. Но если нет *ни одной вещи*, ни *многих вещей*, как он говорит, то ничего нет».

где не находится полностью (πάντα).⁹² Ведь, где разделение, там же и недостача (ἐκλιπές) того, что есть (говоря о «разделении» вместо «пустоты», о которой написано в так называемых рассуждениях Левкиппа).

Второй тезис

[980a9–980a19] (17) Таковы его доказательства того, что ничего [нет]. [Теперь] о том, что все [непостижимо]. Ведь все мысли (вещи, доступные разумению, τὰ φρονούμενα), должны существовать, а если они не существуют, то их нельзя и помыслить (φρονεῖσθαι). (18) Но если бы это так и было, то, как он говорит, не было бы ничего ложного, даже если бы некто утверждал, что колесницы путешествуют по морю: ведь все эти вещи могли бы быть (πάντα γὰρ ἂν ταῦτα εἶη). (19) Ведь все видимые и слышимые вещи есть для того, чтобы в каждом случае быть [предметами] мышления (φρονεῖται); но даже если не для этого, и если то, что мы видим, не больше (οὐδὲν μᾶλλον) [потому, что мы его видим], а также то, что мы видим, больше того, что мы помыслили.⁹³ (20) Ведь как многие люди могли бы здесь видеть эти вещи, также многие могли бы о них подумать (διανοηθεῖεν). Так обстоят дела с [вещами], которые «больше»; но какие из них истинны, не ясно. Так что, даже если они и есть, для нас эти вещи будут все же непостижимы (ἄγνωστα).

Третий тезис

[980a20–980b22] (21) Но если они и постижимы, то как, спрашивает он, объяснить (δηλώσειεν) их другому? Если некто и видит [нечто], то как, спрашивается, он мог бы высказать это словами? И как эта вещь могла бы стать понятной тому, кто слышит о ней, но не видит? Ведь как зрение не знает звуков (φθόγγους), так и слух слышит не цвета, а звуки; говорящий же произносит слово, а не цвет или вещь. (22) Так что если некто не думает (μὴ ἐννοεῖ) о чем-то, как он спросит об этом словами у другого или подумает (ἐννοήσει) при посредстве какого-либо иного знака, отличного от самого предмета [мысли], кроме, разве что, если это цвет, увидев его, или, если это <звук (ψόφον)>,⁹⁴ услышав его? Ведь изначально говорящий не произносит <звук>, или цвет, но речь (λόγον), так что цвет невозможно помыслить, но лишь увидеть, а звук (ψόφον) – лишь услышать.

(23) Но даже если это оказалось возможным – знать и высказать то, что знаешь – то как слышащий подумает (ἐννοήσει) то же самое? Ведь невозмож-

⁹² Возможно, «...если оно движется всеми своими частями, то и разделено во всех своих частях, а если это так, то перестает быть во всех своих частях».

⁹³ Предложение не вполне согласовано. Возможно, испорчено в рукописи.

⁹⁴ Или, «шум, звучание», чтобы отличить это слово от слова φθόγγος «звук, голос, речь», которое встречается ранее в тексте.

но, чтобы одно и то же было одновременно во многих (*ἐν πλείοσι*) отделенных друг от друга [людях] ведь тогда одно стало бы двумя. (24) И даже если бы это было, говорит он, во множестве [людей] и одним и тем же, то все же ничто не мешает ему казаться для них различным, учитывая тот факт, что они сами не полностью похожи и не [находятся] в одном и том же [месте]. Ведь если бы они были в одном и том же [месте], то были бы одним, а не двумя. (25) Кроме того, даже один и тот же [человек], по-видимому, не воспринимает вещи, схожие [с теми, которые он воспринимает] в одно и то же время, но разные посредством зрения и слуха, различно сейчас и раньше. Тем менее (*σχολῆ*) некто мог бы воспринимать так же, как кто-то другой. (26) Так что, если нечто познаваемо, то оно не может быть объяснено другому, так как вещи – это не слова, и никто не думает точно так же, как кто-то другой.

2. Секст Эмпирик, *Против ученых* 7.65–87:

(65) В сочинении, озаглавленном «О том, чего нет, или о природе» (*Περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ Περὶ φύσεως*) он в трех главах последовательно утверждает следующее: во-первых и прежде всего, что ничего нет, во-вторых, если есть, то не может быть воспринято (*ἀκατάληπτον*) человеком, в-третьих, если может быть воспринято (*καταληπτόν*), то не может быть выражено (*ἀνέξοιστον*) и объяснено (*ἀνερμήνευτον*) другому.

Первый тезис

(66) То, что ничего нет, он обосновывает таким образом: если [нечто] есть, то оно то, что есть (*τὸ ὄν*), то, чего нет (*τὸ μὴ ὄν*), или то, что есть и чего нет. Но оно не является тем, что есть, как он докажет, и не тем, чего нет, в чем он нас убедит, и не тем, что есть и чего нет, как он нас научит. Следовательно, ничего нет.

(67) То, чего нет, нет. Если же то, чего нет, есть, то оно одновременно будет и не будет. Ведь пока оно мыслится как то, чего нет, его не будет, а пока оно есть то, чего нет, оно, напротив, будет. Но совершенно неуместно чему-то одновременно быть и не быть. Значит, того, чего нет, нет.

Можно и по-другому: если нет того, чего нет, то не будет и того, что есть. Ведь они противоположны друг другу, и если бытие случилось (*συμβέβηκε*) с тем, чего нет, то небытие случится и с тем, что есть. Однако неверно, что нет того, что есть. Значит, того, чего нет, также не будет.

(68) Но нет и того, что есть. Ведь если есть то, что есть, то оно либо вечное (*αἰδίου*), либо возникшее (преходящее, *γενητόν*), либо одновременно вечное и возникшее. Но оно не вечное и не возникшее, и не то и другое, как мы покажем. Следовательно, того, что есть, нет.

Если то, что есть, вечно (с этого ведь нужно начать), то оно не имеет никакого начала (ἀρχήν). (69) Ведь все возникшее имеет некое начало, тогда как вечное, не будучи возникшем, начала не имело. Не имея начала, оно беспредельно. Если же оно беспредельно, то его нигде нет. Ведь если оно где-то [есть], тогда то, в чем оно находится, отлично от него, а значит то, что есть, будучи чем-то охвачено (ἐμπεριεχόμενον), само перестанет быть беспредельным. Ведь то, что охватывает, больше охватываемого, значит, беспредельное нигде [не находится]. (70) И еще: оно не заключено и в себе самом. Ведь тогда «в чем» (τὸ ἐν ᾧ) и «в нем» (τὸ ἐν αὐτῷ) будут одним и тем же, а то, что есть, станет двумя, местом и телом (ведь «в чем» – это место, а «в нем» – тело). Но это нелепо. Значит, то, что есть, также [не находится] и в нем самом. Итак, если то, что есть, вечно, то оно беспредельно; если беспредельно, то нигде; а если нигде, то его нет. Так что если то, что есть, вечно, то его нет с самого начала.

(71) Однако то, что есть, не может быть и возникшим. Ведь если оно возникло, то возникло из того, что есть, или из того, чего нет. Но оно не возникло из того, что есть, так как если то, что есть, есть, то оно не возникло, но уже есть; точно так же, оно не возникло из того, чего нет, так как то, чего нет, не в силах что-либо произвести, поскольку порождающее необходимо должно неким образом быть причастно тому, что уже есть. Следовательно, то, что есть, также и не преходящее.

(72) Точно так же, оно не является одновременно возникшим и не возникшим. Ведь они убийственны (ἀναίρετικά) друг для друга, так что если то, что есть, вечно, то оно не возникло, а если возникло, то не вечно. Итак, если то, что есть, не вечно и не преходяще (возникло), и не то и не другое, то тогда того, что есть, вообще не должно быть.

(73) Можно [рассудить] и по-другому: если то, что есть, есть, то оно либо единое, либо многое. Однако оно не единое и не многое, как будет доказано; значит, того, что есть, нет. Ведь если оно единое, то оно либо [дискретное] количество (ποσόν), либо сплошная [масса] (συνεχές), либо величина, либо тело. Но чем бы из этого оно не было, оно не будет единым: в качестве количества оно делимо, в качестве сплошного – может быть разрезано. Точно так же, если о нем помыслить как о величине, то и тогда оно не будет нераздельным. Ну а тело вообще троично, так как обладает длиной, шириной и глубиной. Нелепо говорить, что то, что есть, не является одним из этих, следовательно, то, что есть, не едино.

(74) Но оно и не многое. Ведь если оно не единое, то и не многое, так как множество – это соединение единиц, и поэтому, если удалить единое, то

вместе с ним удалится и многое. Итак, из вышесказанного ясно, что нет ни того, что есть, ни того, чего нет.

(75) Легко доказать и то, что нет их обоих – и того, что есть, и того, чего нет. Ведь если то, чего нет, есть и то, что есть, есть, тогда то, чего нет, будет, в отношении бытия, идентичным с тем, что есть. Поэтому ни одного из них нет. Ведь мы уже согласились с тем, что того, чего нет, нет; теперь же мы показали, что то, что есть, ему тождественно; значит, и его тоже нет. (76) И по-другому: если верно, что то, что есть, тождественно с тем, чего нет, то невозможно, чтобы они одновременно [были]. Ведь если они есть одновременно, то не тождественны друг другу, а если тождественны друг другу, то одновременно их нет.

Отсюда следует, что ничего нет. Ведь если нет того, что есть, и нет того, чего нет, и нет их обоих, и невозможно ничего, кроме этого, представить, то ничего нет.

Второй тезис

(77) Но даже если бы нечто и было, то нижеследующее покажет, что оно непостижимо (*ἄγνωστόν*) и немислимо (*ἀνεπίδητόν*) для человека. Если мысли (*τὰ φρονούμενα*), говорит Горгий, не есть нечто существующее, тогда то, что есть, не мыслится (*οὐ φρονεῖται*). И это вполне разумно: ведь если мыслям случилось быть белыми, то белым вещам также случилось бы быть мыслимыми, так что, если случается так, что мысли не есть то, что они есть, то это необходимо случиться и с вещами, которые не являются предметом мысли (*μὴ φρονεῖσθαι*). (78) Поэтому высказывание «если мысли не есть нечто существующее, тогда то, что есть, не мыслится» вполне здраво и сохраняет свою [логическую] последовательность. Но мысли (скажем, забегая вперед) не есть нечто существующее, следовательно, то, что есть, не мыслится. То же, что мысли не есть нечто существующее, очевидно. (79) Ведь если мысли есть нечто существующее, то существовать будут все мыслимые вещи, как бы кто их ни мыслил. Но это противоречит очевидному, что запросто (*φάυλον*) доказывается. Ведь из-за того, что кто-то подумает, что человек летает или что колесницы путешествуют по морю, человек сразу же не начнет летать, а колесницы не отправятся в путешествие по морю. Так что мысли не есть нечто существующее.

(80) К тому же, если мысли есть нечто существующее, тогда то, чего нет, станет немислимым. Ведь противоположное случается (*συμβέβηκεν*) с противоположными, а то, чего нет, противоположно тому, что есть.

Поэтому, в целом, если тому, что есть случилось быть мыслимым, тогда тому, чего нет, случится быть не мыслимым. Но это нелепо. Сцилла, Химера и многие другие несуществующие вещи мыслятся. Значит, то, что есть, не

мыслится. (81) Так как видимые вещи так называются потому, что их видно, а слышимые вещи так называются потому, что их слышно, и поскольку мы не отвергаем видимые вещи лишь потому, что они не слышимы, а слышимые вещи не удаляем лишь потому, что они невидимы (ведь каждая из них распознается своим органом восприятия, а не другим), то точно так же должны быть и мысли, даже будучи невидимы зрением и не слышимы слухом, так как они ухватываются своим собственным критерием. (82) Так что если некто думает, что колесницы путешествуют по морю, и даже если он этого не видит, то ему следует верить в то, что имеются колесницы, путешествующие по морю. Но это нелепо. Значит, то, что есть, немислимо и непостижимо.

Третий тезис

(83) Но даже если бы оно было постижимо, его невозможно было бы высказать другому. Действительно, если существующее существует в качестве видимых, слышимых и, в целом, чувственно воспринимаемых вещей, и в качестве всего, что наличествует снаружи (ἐκτὸς ὑπὸκειται), и если видимые вещи среди них постигаются зрением, а слышимые – слухом, а не наоборот, то как же оно может быть показано (μηνύεσθαι) другому? (84) Ведь все, что мы показываем – это слово, а слово – это не то же самое, что наличное (τὰ ὑποκειμένα) и сущее. Значит, другим людям мы показываем не то, что есть, но слово, отличающееся от наличествующих вещей. Следовательно, как видимое не может стать слышимым и наоборот, точно так же, будучи снаружи, наличествующее не могло бы стать нашим словом; (85) не будучи словом, оно не может быть объяснено другому. Ведь слово, как он говорит, образуется благодаря впечатляющим нас внешним, то есть чувственно воспринимаемым вещам. В случае (ἐγκυρήσεως) [присутствия] вкуса, у нас возникает слово, выражающее это качество, при появлении (ὑποπτώσεως) цвета – то, что выражает цвет. Но в таком случае не слово есть нечто, представляющее (παρὰστατικὸς) то, что снаружи, но то, что снаружи, становится чем-то разъясняющим (μηνυτικὸν) слово. (86) Так что нельзя утверждать, что каким способом наличествует видимое и слышимое, таким же и слово, так что наличествующие и сущие вещи могут быть показаны на основе самого наличествующего и сущего. Так что если наличествует, как он говорит, слово, то оно все же отличается от остальных наличествующих вещей, и ничто не отличается сильнее [друг от друга], нежели видимые тела и слова. Ведь видимое ухватывается одним органом, а слово – другим. Так что слово не показывает множество наличных вещей, как и они сами не раскрывают друг другу свою природу [... V 4]

Интерпретации

3. Аристотелевский корпус, *О Мелиссе, Ксенофане и Горгии* 6.1–8, 979a34–979b19 [см. V 1]: (1) Но из того, что он сказал, вовсе не следует, что ничего нет. (2) Ведь то, что он доказывает, он обсуждает (*διαλέγεται*) таким образом: если то, чего нет, есть, то оно есть либо вообще говоря, либо же оно есть подобно (*ὁμοίως*) тому, чего нет.⁹⁵ Однако это не очевидно и не необходимо, но как и в случае двух сущих вещей, когда одно есть, а другое мнится (*δοκῶντος*), одно есть, тогда как неверно то, что другое, то, чего нет, есть. (3) Почему же оно должно быть либо не быть? То же, что они обе есть, а вовсе не одна из них, – это не так. Ведь, как он говорит, то, чего нет, было бы не <меньшим> нежели то, что есть, так как небытие было бы чем-то в силу того, что никто не утверждает, будто небытие – это вообще ничто. (4) Но даже если того, чего нет, нет, то и тогда то, чего нет, не стало бы подобным тому, что есть. Ведь одного нет, а другое, кроме того, есть. (5) Но даже если это верно вообще говоря, то насколько странным было бы утверждение «то, чего нет, есть». А если это так и есть, то в самом ли деле все вещи скорее не существуют, нежели существуют? Ведь в действительности наблюдается как раз противоположное. (6) Ведь если то, чего нет, есть, и то, что есть, существует, то есть все.⁹⁶ Ведь тогда существует и то, что есть, и то, чего нет. Однако не необходимо, чтобы было то, чего нет, и не было того, что есть. (7) Значит, если согласиться с тем, что того, что есть, нет, а то, чего нет, есть, то тем не менее <что-то> будет. Именно, согласно этому утверждению, будет то, чего нет. (8) Но если бытие – это то же самое, что и небытие, то даже и в этом случае нечто не было бы в большей степени несущим, нежели сущим. Ведь, как он говорит: если бытие – это то же самое, что и небытие, то тогда нет и того, что есть, и того, чего нет, следовательно нет ничего; но верно и обратное и можно сказать, что все есть, так как то, чего нет, есть и то, что есть, есть, а, значит, есть все.

4. Секст Эмпирик, *Против ученых* 7.87: [см. V 2] Таковы апории, представленные у Горгия, в которых, насколько это в их силах, критерий истинности устраняется. Ведь для того, чего нет, что не может быть постигнуто и такой природы, что не может быть представлено другому, нет никакого критерия.

5. Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона, пред. 9: ... «О природе», сочинение, не лишенное изящества... [контекст: I 4]

⁹⁵ Место, существенно испорченное в рукописи.

⁹⁶ Место, существенно испорченное в рукописи.

6. Исократ, *Обмен имуществом* 15.268: ... речи прежних софистов, из которых один сказал, что количество существующих вещей беспредельно... Парменид и Мелисс – что она одна, и Горгий – что она вообще ничто.

Он же, *Похвала Елене* 3: Кто превзойдет Горгия, который отважился утверждать, что ни одна из сущих вещей не существует...

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

	Настоящее собрание	EGP (Laks– Most)	DK (Diels– Kranz)
Аполлодор Афинский, <i>Хроника</i> (по Диогену Лаэртию 8.58)	I 25	P 25	A 10
Апология Паламеда	IV 2	D 25	B 11a
Аристотель <i>Политика</i>			
1260a27–28	II 50	D 53	–
1275b25–30	II 39	D 39	A 19
<i>О софистических опровержениях</i>			
183b36–184a7	II 4, III 8	D 4, R 8	B 14
<i>Риторика</i>			
1404a24–27	III 9	R 9	A 29
1405b38–1406a1	II 40, III 10	D 43, R 10	B 15
1406b9–10	II 41, III 10	D 44, R 10	B 16
1414b29–33	II 32	D 32	B 7
1416a1–3	II 30	D 33	B 10
1418a32–37	II 17	D 17	B 17
1419b3–5	II 18	D 18	B 12
<i>Фрагменты</i> , 137 Rose	II 16	D 16	A 25
Аристотелевский корпус, <i>О Мелиссе, Ксенофане и Горгии</i>			
979a12–33	V 1	D 26a	–
979a34–979b19	V 3	R 25	–
979b20–980b22	V 1	D 26a	–
Афанасий Александрийский, Пролегомены к «О судебных установлениях» Гермогена 14.180.9–19 (фр. 14 Sauppe)	III 17	R 17, 20	B 5
Афинея, <i>Пир мудрецов</i>			
1, 220D	III 21	R 27	A 33
11, 505D–E	I 24, III 1	P 24, R 1	A 15a
12, 548C–D	I 27–28	P 27–28	A 11

806 Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства

Ватиканский гномологий

743, 166	I 22	P 22	A 29
743, 167	I 23	P 23	A 30
Гермоген			
<i>О типах речи</i> 1.6	III 16	R 16	—
Диодор Сицилийский			
12.53.2	I 12	P 17	A 4
12.53.2–5	I 8, II 6, 20, III 12	P 13, D 6, 20, R 12	A 4
Диоген Лаэртий, <i>Жизни философов</i>			
2.63	III 5	R 5	—
5.25	III 1	R 1	B 3
6.1	I 17	P 9	—
8.58–59	I 5	P 5	A 3
8.58	I 25, II 6	D 6	A 3
Дионисий Галикарнасский			
<i>Демосфен</i> 5	II 23	D 23	—
<i>Исей</i> 19.2	III 14	R 14	A 32
<i>Лисий</i> 3	I 8, III 2, 13	P 13, R 2, 13	A 4
<i>О подражании,</i>			
фр. 4	II 21	D 21	—
фр. 5	II 21	D 21	A 29
<i>О порядке слов</i>			
12.68	II 12	D 12	B 13
Исократ			
<i>Обмен имуществом</i>			
15.155–156	I 11	P 16	A 18
15.268	V 6	R 24	B 1
<i>Похвала Елене</i>			
3	V 6	R 24	B 1
14	III 18	R 18	B 14
Ксенофонт			
<i>Анабасис</i> 2.6.16	I 14	P 6	A 5
<i>Пир</i> 2.26	II 23	D 23	C 2
Квинтилиан, <i>Наставления оратору</i>			
3.1.8	II 5	D 5	A 14
3.1.13	I 15	P 7	A 16
Климент, <i>Строматы</i>			
1.51.2	II 29	D 32	B 8
6.26.8	III 22	R 28	A 34
Лукиан, Псевдо-			
<i>Долгожители</i> 23	I 28, 32	P 28, 32	A 13
Лонгин, Псевдо-			
<i>О возвышенном</i> 3.2	II 27	D 30, R 22	B 5

Марцеллин			
<i>Жизнь Фукидида</i> 36	III 4	R 4	84 A9
Надпись начала IV в. до н. э., обнаруженная в Олимпии (SEG 2.820, Olympia, inv.no. Λ 101)	I 34	P 34	A 8
Олимпиодор, Комментарий к «Горгию» Платона			
пред. 9	I 4, V 6	P 4, R 23	A 10, B 2
4.9	II 7	P 7	A 27
7.2	I 19	P 19	Nachtrag, II 425,26– 28
Павсаний, <i>Описание Эллады</i>			
6.17.7	I 34	P 2	A 7
6.17.8	I 2, 34, II 3	P 34, D 2	A 7
6.17.8–9	I 10	P 15	A 7
10.18.7	I 33	P 33	A 7
Платон			
<i>Горгий</i>			
447c	II 8	D 8	A 20
449c	II 13	D 13	A 20
450b	II 7	D 7	A 27
450b–c	II 46	D 49	A 27
453a	II 45	D 48	A 28
454e–455a	II 45	D 48	A 28
456b	II 47	D 50	A 22
<i>Менон</i>			
70a–b	I 6	P 11	A 19
70b–c	II 9	D 9	A 19
71c–e	II 50	D 53	B 19
76a, c–e	II 42	D 45	B 4
95c	II 44	D 47	A 21
<i>Пир</i>			
198c	III 6	R 6	C 1
<i>Федр</i>			
261b–c	II 49	D 52	B 14
267a–b	II 14–15	D 14–15	A 25
<i>Филеб</i>			
58a–b	II 48	D 51	A 26
Плиний			
<i>Естественная история</i> 33.83	I 33	P 33	A 7

808 Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства

Плутарх			
<i>Застольные беседы</i> 715E	II 33	D 36	B 24
<i>Как отличить льстеца от друга</i> 64C	II 38	D 41	B 21
<i>Кимон</i> 10	II 37	D 40	B 20
<i>О женских добродетелях</i> 242E	II 39	D 42	B 22
<i>О славе афинян</i> 348C	II 32	D 35	B 23
<i>Свадебные наставления</i> 43, 144B–C	I 20	P 20	B 8a
фр. 186 Sandbach (ар. Исидор из Пелусиут, <i>Письма</i> 2.42)	III 15	R 15	–
Плутарх, Псевдо-			
<i>Жизни десяти ораторов</i> 839d	I 35	P 35	A 17
Похвала (Энкомий) Елене	IV 1	D 24	B 11
Прокл			
<i>Жизнь Гомера</i> (Chrestom., p. 100.5–6)	II 34	D 37	B 25
Комментарий к «Трудам и дням» Гесиода 83	II 31	D 34	B 26
Секст Эмпирик			
<i>Против ученых</i>			
7.65–87	V 2	D 26b	B 3
7.87	V 4	R 26	B 3
Сириан, Комментарий к «О типах речи» Гермогена			
90.12–16	II 1, 6	D 1, D 6	B 6
90.17–91.16	II 25	D 28	B 6
91.16–19	III 20	R 21	–
Сопатр, <i>Деление вопросов</i>			
8.23.21–23	II 43	D 46	B 31
Стобей, <i>Антология</i>			
4.51.28	I 31	P 31	–
Суда, Г 388	I 3, 18	P 3, 10	A 2
Схолия к «Илиаде» Гомера			
4.450a	II 35	D 38	B 27
Теофраст			
<i>Об огне</i> 73	II 42	D 45	B 31
Филострат, <i>Жизни софистов</i>			
1.1 пред.	I 21, II 11	P 21, D 11	A 24, A1
1.1	II 2	D 2	A 1
1.9.1	I 1, II 2	P 1, D 2	A 1
1.9.2	II 22	D 22	A 1
1.9.3	I 9	P 14	A 1
1.9.4–5	I 33, II 24, 26, III	P 33, D 27, 29, R	A 1, B 5
1.9.6	19	19	A 1
1.21.5	I 26	P 26	–

2.11.3	III 7	R 7	—
<i>Πисьма</i>	III 7	R 7	
73	I 7, III 3	P 12, R 3	A 35
Цицерон			
<i>Об ораторе</i>			
3.32.129	I 33	P 33	A 7
<i>Оратор</i>			
12.39	II 19	D 19	A 30
49.165	I 19	D 19	A 31
52.175–176	I 16, II 19, III 11	P 7, D 19, R 11	A 32
<i>О нахождении</i>			
1.7	II 10	D 10	A 26
<i>О старости</i>			
5.12	I 29	P 29	A 12
<i>Элиан, Пестрые рассказы</i>			
12.32	I 13	P 18	A 9
12.35	I 30	P 30	A 15
Сирийское собрание греческих изречений (Studia Sinaitica 1, p. 35 Smith Lewis)	III 23	R 29	B 28

БИБЛИОГРАФИЯ

Софисты (издания фрагментов и переводы)

Маковельский, А. О. (1940–1941) *Софисты*. Вып. 1–2. Баку.

Bonazzi, M., ed. (2007) *I sofisti*. Milano: Rizzoli.

Diels, H., Kranz, W., hrsg. (1951–1962) *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bd. 1–3. Berlin: Weidmann.

Dillon, J., Gergel, T., ed. (2003) *The Greek Sophists*. London: Penguin.

Graham, D., ed. (2010) *The Texts of Early Greek Philosophy: The Complete Fragments and Selected Testimonies of the Major Presocratics*, 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press.

Laks, A., Most, G., eds (2016) *Early Greek Philosophy, Volumes VIII–IX: Sophists*. Loeb classical library, 531–532. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

Mayhew, R. (2011) *Prodicus the Sophist: Texts, Translations, and Commentary*. Oxford.

Pradeau, J.-F., ed. (2009) *Les sophistes*, 2 vols. Paris: Flammarion.

Sprague, R., ed. (2001²) *The Older Sophists*. A Complete Translation by Several Hands of the Fragments in *Die Fragmente der Vorsokratiker* edited by Diels-Kranz with a new edition of Antiphon and Euthydemus. Indianapolis: Hackett.

Schirren, T., Zinsmaier, T., hrsg. (2003) *Die Sophisten*. Stuttgart: Reclam, 2003.

Untersteiner, M., ed. (1949–1962) *I sofisti*, 4 vols. Firenze: La nova Italia.

Buchheim, T., hrsg. (1989) *Gorgias von Leontini*. Hamburg.

Caffaro, L, ed. (1997) *Encomio di Elena, Apologia di Palamede*. Florenzia.

Ioli, R., ed. (2010) *Gorgia di Leontini, Su ciò che non è*. Hildesheim.

Исследования

Вольф, М. Н. (2014) «Трактат О не-сущем, или о природе Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia V–VI: условно-формальная структура и перевод», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8, 189–216.

Вольф, М. Н. (2014) *Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или о природе» в современных интерпретациях*. Новосибирск.

Галанин, Р. Б. (2016) *Риторика Протагора и Горгия*. Санкт-Петербург: Изд. РХГА.

Кассен, Б. (2000) *Эффект софистики*. Пер. с фр. А. Россиуса. Москва / Санкт-Петербург: Университетская книга.

Cassin, B. (1980) *Si Parménide le traité anonyme De Melisso Xenophane Gorgia*. Edition critique et commentaire. Lillie: Presses universitaires de Lillie.

Cassin, B. (1995) *L'effet sophistique*, Paris: Gallimard.

Consigny, S. (2001) *Gorgias: Sophist and Artist*. Columbia: University of South Carolina Press.

Davis, J. B. (1997) "Translating Gorgias in [Aristotle] 980a10," *Philosophy & Rhetoric* 30, 31–37.

De Romilly, J. (1988) *Les Grands Sophistes dans l'Athènes de Périclès*. Paris: De Fallois.

De Romilly, J. (1992) *The Great Sophists in Periclean Athens*. Translated by J. Lloyd. Oxford: Clarendon Press.

Gagarin, M. (1997) "On the Not-Being of Gorgias's *On Not-Being (ONB)*," *Philosophy & Rhetoric* 30.1, 38–40.

Gagarin, M., Woodruff, P. ed. (1995) *Early Greek Political Thought from Homer to the Sophists*. Cambridge University Press.

Ganes, R. N. (1997) "Knowledge and Discourse in Gorgias' *On the Non-Existent or On Nature*," *Philosophy & Rhetoric* 30.1, 1–12.

Guthrie, W. K. C. (1971) *The Sophists*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jackson, R., Lycos, K., Tarrant, H., eds. (1998) *Olympiodorus. Commentary on Plato's Gorgias*. Leiden: Brill.

Kerferd, G. B. (1955) "Gorgias on Nature or That Which Is Not," *Phronesis* 1.1, 3–25.

Kerferd, G. B. (1981) *The Sophistic Movement*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kerferd, G. B., ed. (1981) *The Sophists and their Legacy*. Wiesbaden: Franz Steiner.

Mansfeld, J. (1990) *Studies in the Historiography of Greek Philosophy*. Assen ("Historical and Philosophical Aspects of Gorgias' *On What Is Not*," pp. 97–126; "De Melisso Xenophane Gorgia. Pyrrhonizing Aristotelianism," pp. 200–237).

McComiskey, B. (1997) "Gorgias, *On Non-Existence*: Sextus Empiricus, Against the Logicians 1. 65–87, Translated from the Greek Text in Hermann Diels' *Die Fragmente der Vorsokratiker*," *Philosophy & Rhetoric* 30, 45–49.

McComiskey, B. (2002) *Gorgias and the New Sophistic Rhetoric*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

- Migliori, M. (1973) *La filosofia di Gorgia: contributi per una riscoperta del sofista di Lentini*. (Scienze umane, 10). Milano.
- Morgan, K. A. (1994) "Socrates and Gorgias at Delphi and Olympia: *Phaedrus* 235d–236b4," *Classical Quarterly* 44, 375–86.
- Mourelatos, A. P. D. (1987) "Gorgias on the Function of Language," *Philosophical Topics* 15, 135–170.
- Newinger, H.-J. (1979) *Untersuchungen zu Gorgias' Schrift Über das Nichtseiende*. Berlin.
- Poulakos, J. (1997) "The Letter and the Spirit of the Text: Two Translations of Gorgias' *On Non-being or On Nature (MXG)*," *Philosophy & Rhetoric* 30, 41–44.
- Rodrigues, E. (2019) "Untying the Gorgianic 'not': argumentative structure in *On not-being*," *The Classical Quarterly* 69, 87–106.
- Schiappa, E. (1997) "Interpreting Gorgias' "Being" in "On Not-Being or On Nature"," *Philosophy & Rhetoric* 30.1, 13–30.
- Schiappa, E., Hoffman, S. (1994) "Intertextual Argument in Gorgias's "On What Is Not": A Formalization of Sextus, *Adv Math.* 7.77–80," *Philosophy & Rhetoric* 27.2, 156–161.
- Schofield, M. (2002) "Leucippus, Democritus and the οὐ μᾶλλον Principle: An Examination of Theophrastus *Phys.Op.* Fr. 8," *Phronesis* 47.3, 253–263.
- Tindale, Ch. W. (2010) *Reason's Dark Champions. Constructive Strategies of Sophistic Argument*. Columbia, SC: The University of South Carolina Press.
- Tzifopoulos, Ya. (2013) "Inscriptions as Literature in Pausanias' Exegesis of Hellas," in P. Liddle and P. Low, eds. *Inscriptions and Their Uses in Greek and Latin Literature*. Oxford, 149–161.
- Walters, F. D. (1994) "Gorgias as Philosopher of Being: Epistemic Foundationalism in Sophistic Thought," *Philosophy & Rhetoric* 27, 143–155.
- Wardy, R. (1996) *The Birth of Rhetoric*. Routledge.
- In Russian*
- Cassin, B. (2000) *Effekt sofistiki*. Per. s fr. A. Rossiusa. Moskva / Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga.
- Galanin, R. B. (2016) *Ritorika Protagora i Gorgiya*. Sankt-Peterburg: Izd. RHGA.
- Volf, M. N. (2014) «Traktat O ne-sushchem, ili o prirode Gorgiya v De Melisso Xenophane Gorgia V–VI: uslovno-formal'naya struktura i perevod», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8, 189–216.
- Volf, M. N. (2014) *Gorgij Leontijskij: traktat «O ne-sushchem, ili o prirode» v sovremennyh interpretacijah*. Novosibirsk.